

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 4/28

АПРЕЛЬ-1936.

№ 4/28

СОДЕРЖАНИЕ:

Гайдар Баммат — После оккупации демилитаризованной зоны.

З. Авалишвили — Спустя 1.500 лет.

Азери — Еще о предателях кавказских народов.

Шалва Амiredжиби — Идолы марксистской Грузии.

А. Кантемир — Муса Паша Кундухов.

Генерал Муса Паша Кундухов — Воспоминания Тбилисели — Несколько слов об армянах.

В. Оленин — Великий всероссийский обман.

Э. Кудашев — Заметки кабардинца.

Тамбий Елекхоти — Самоопределение горцев Кавказа и в частности осетин.

Обзор Печати.

26 апреля

ПОСЛЕ ОККУПАЦИИ ДЕМИЛИТАРИЗОВАННОЙ ЗОНЫ

Европа попрежнему одержима политической лихорадкой. Раскрывая утром газеты каждый день мы ждем новых сенсаций. Однако истекший месяц для любителей сильных ощущений оказался менее волнующим, чем март.

Поскольку в наше хаотическое и иррациональное время вообще можно что либо предвидеть эту передышку не трудно было пред-

сказать: «после бури, вероятно, наступит временное затишье... до середины мая едва ли можно ожидать более или менее серьезных событий», — писали мы 26 марта на этом самом месте.

«Кэ д'Орсэ» и государственные деятели Франции могут составлять какие угодно широкоразмащиваемые планы замирения Европы, произносить непримиримые речи и манифестировать самую непреклонную волю к решительным действиям — все эти чисто внешние формы политической активности не обманывают никого... До середины мая Франция, как актив-

757

ный фактор на мировой политической арене отсутствует. В предвыборный период, как общее правило, государственная власть в этой стране находится в состоянии полного паралича...

Специфическое свойство режима, присущее впрочем не одной только Франции, но и другим странам, где еще уцелела парламентская демократия...

Милое свойство, с которым в середине прошлого столетия, в век скороходов и почтовых дилижансов, можно было без труда мириться. Несколько стеснительное однако в наше динамическое время, когда большие и малые диктаторы, не считающиеся с «правилами парламентской игры», взяли безцеремонную привычку чуть ли не каждый день ставить отропелую Европу перед совершившимися фактами...

Ничто, как известно, так не способствует примирению общественного мнения с совершившимся фактом, как выигрыш времени. Можно смело утверждать, что как бы чудовищно и неприемлем ни казался по началу совершившийся факт — он имеет все шансы на успех и признание, если не вызвал немедленной реакции и сокрушительного ответа заинтересованных сторон...

Едва ли можно сомневаться в том, что обдумывая возможные последствия оккупации демилитаризованной зоны, Берлин, в числе других очень сильных козырей своей смелой игры, оценил и точно учел и ту общую психологию безволия, которая неизбежно воцаряется в парламентских странах накануне выборов и в период избирательной кампании...

События доказывают, что расчет был правдив. За истекшие полтора месяца острота вопроса успела сильно притушиться. Берлинский пример, к тому же, нашел за это время подражателей и в других странах. И концен-

трированное полтора месяца тому назад на Рейне внимание европейского общественного внимания теперь распылено по всей карте Европы...

В явное нарушение Сен-Жерменского договора вооружилась Австрия.

В весьма искусной форме и с большим достоинством Турция выдвинула вопрос о демилитаризации проливов...

Довольно вялые в общем протесты Малой Антанты против односторонних действий Венского правительства повидимому никаких последствий иметь не будут.

Но едва ли так легко примирятся в Праге и в Бухаресте с неизбежной в более или менее близком будущем милитаризацией Венгрии, где ревизия территориальных статей Трианонского договора считается всеми, без различия партий и направлений, вопросом жизни и смерти...

Ловкий тактический маневр Анкары, не последовавшей примеру Берлина и Вены и облекший вопрос о пересмотре Лозанского договора в «затяжные» формы, вызвал явный вздох облегчения у всех европейских канцелярий, чуть ли не публичное выражение благодарности за то, что Турция не злоупотребила своей силой и спасла великие державы от нового унижения...

Никогда кажется Турция не имела в Европе такой «хорошей прессы», не слышала такого единодушного хора похвал, как в эти дни, когда она решила продиктовать ей свою волю. Удовлетворение ей будет дано, конечно, полное, тем более полное, что в настоящих условиях Турция великолепно могла бы обойтись без всякого обращения к державам и осуществить явочным порядком все свои домогательства.

Созданный в Европе после великой вой-

ны правопорядок потрясен до основания. Ревизия договоров фактически началась. Остановить этот естественный процесс и заморозить Европу не только на 25 лет, как предполагают авторы представленного в Женеву французского плана, но и на два-три года едва ли в человеческих силах.

Первые шаги фактической ревизии не вызвали военных потрясений, но будет ли так, когда дело дойдет до логически неизбежной территориальной перепланировки современной карты Европы?

Это более чем сомнительно...

Будет правильно, думается нам, если мы решительно поставим крест над всеми женевскими иллюзиями и станем считать, что Европа окончательно вышла из кратковременного после военного периода своей истории и вступила в новую **предвоенную** эпоху. — По всем данным этой эпохе суждено быть весьма кратковременной. Каково же, при таком взгляде на вещи, реальное значение для хода будущих событий занятие Германией демилитаризованной Рейнской зоны?

«В настоящее время, пишет в «Либерте» сенатор Анри Лемери, занятие Прирейнской области имеет довольно ограниченное, но совершенно определенное, значение. Цель Германии — создать зафиксированную, фактически непреодолимую линию укреплений. Она запирает двери перед возможной французской интервенцией. Это обстоятельство, с точки зрения наших собственных интересов, не должно было бы нас никоим образом беспокоить, так как у нас нет никаких агрессивных замыслов против Германии. Но с точки зрения общеевропейского события имеет громадное значение, ибо будучи репликой на гнетейший франко-советский пакт, оно исключает нас из Центральной Европы. За воздвигнутой на Западе стеной Рейх

спокойно и в полной безопасности осуществит свои замыслы на Востоке»...

Сущность спора о демилитаризованной зоне конечно вовсе не в нарушении буквы договоров. Если бы уважение к святости договоров действительно было неизменным условием для вхождения в круг держав, то не было бы в европейском концерте Советской России и не заседал бы г. Литвинов в Женевском ареопаге.

На пути франко-германского соглашения стоят, к сожалению, не только отжившие параграфы Версальского договора и казуистика бумажных юридических формул.

Центр тяжести заключается в том, что создание параллельной «линии Мажино», защитной линии Германских укреплений, — пишет в «Же сюн парту», г. Клод Жате, — закрывает французской армии возможность военного марша через германскую территорию на Восток... делает французскую армию пленницей на своей территории и разрушает всю систему «коллективной безопасности».

Дело не только во «французской риторике», как пишет «Фолькишер Beobachter». За ней находится «тщательно продуманный метод Москвы». СССР сумел включиться в европейскую дипломатическую машину, скрывшись за ритуалом традиционной французской политики. Вот почему в настоящее время речь идет для Франции об отказе от захваченного ею права свободного, так сказать, проникновения в Германию, в целях оказания помощи Советам и Чехословакии» (см. «Же сюн парту» № 282).

Речь идет именно об этом и не о чем другом. И новоявленный, по заказу Москвы, патриотизм французских коммунистов и все усилия большевизанствующего «народного фронта» направлены вовсе не к защите Франции от несуществующей сейчас опасности, а к тому, чтобы обеспечить возможность наиболее реаль-

ной военной помощи Москве в предвидении неизбежного столкновения ее с Германией.

Французам, действительно жаждущим мира для Франции, а не озабоченным сохранением советского строя в России, сооружение Германией, дорого стоящей линии защитных укреплений на Рейне должно было бы собственно говоря принести только моральное удовлетворение и успокоение, ибо оно как нельзя лучше свидетельствует о том, что если у Германии и есть какие нибудь агрессивные замыслы, то направлены они во всяком случае не в сторону Франции, на границах которой Германия принимает лишь меры собственной безопасности и защиты.

Так в сущности понимается проблема франко-германских отношений в связи с нарушением Германией демилитаризованной зоны, огромным большинством общественного мнения Англии, Америки и нейтральных стран.

Мы не можем не сожалеть — так как мы искренно привязаны к Франции — что французское общественное мнение так плохо осведомленно о том, что творится за границей...

Последние два месяца не были очень счастливыми для внешней политики Франции, проникнутой «духом Женевы» и базирующейся на Лигу Наций.

Система коллективной безопасности и как называемого «неделимого мира» была хороша до тех пор, пока не обозначилось острое столкновение жизненных интересов великих держав, пока женеvский международный институт более или менее удовлетворительно выполнял задачу охраны плодов общей победы, пока он худо или хорошо поддерживал установленный в интересах победителей послевоенный правопорядок в Европе.

Итапо - абиссинская война и возникший в связи с нею англо-итальянский конфликт, с одной стороны, демилитаризация Рейнской области и позиция, занятая Англией и Италией в этом конфликте с другой, оказались той лакмусовой бумажкой, которая продемонстрировала наконец всему миру глубокую внутреннюю фальшь и отталкивающее лицемерие, утомительной и бесплодной женеvской игры. —

11-го мая соберется в Женеве ordinaria сессия Лиги, на которой одновременно будут обсуждаться итапо - абиссинский вопрос (в который раз? До тех пор, очевидно, пока от Эфиопии останется мокрое место), и жалоба Франции и Бельгии на нарушение Германией Версальского и Локарнского договоров.

Есть серьезные основания думать, что эта сессия приготавливает новые, еще горшия разочарования, может быть смертельные для Лиги Наций, во всяком случае в нынешнем воплощении этого каррикатурного учреждения..

Между тем жизнь идет своим чередом и мировая обстановка осложняется с каждым днем, нисколько не считаясь ни с французскими выборами, ни с казуистикой периодически собирающихся в Женеве государственных мужей Европы.

Назревают новые события, на этот раз в центре Европы — в Дунайском бассейне.

Нужно быть слепым, чтобы этого не видеть.

Элементы, на которых покоилась традиционная послевоенная политика Франции в этой части Европы, давно уже потеряли свою устойчивость и теряют ее с каждым днем все больше и больше.

Англия всегда относившаяся к «аншлюсу» как к некоей фатальной неизбежности, ныне очевидно не только не будет чинить никаких препятствий к воссоединению Австрии с Гер-

маней, но вероятно под сурдинку всемерно поможет этому стихийному процессу, дабы по мере возможности ослабить в Европе опасную окрешную и строптивую Италию...

Малая Антанта загнивающая была мощью Австро-Венгерской монархии, выбирая меньшее по ее мнению зло, по видимому, предпочитает амплуа воцарению Габсбургов в Вене...

В Румынии, где благодаря непрерывающейся финансовой поддержке Франции и влиянию масонства безраздельно царил Титулеско, значительная часть общественного мнения начинает проявлять тревогу по поводу той роли, которая предназначена Советской России генеральными штабами Москвы, Парижа и Праги. — Перспектива видеть красную армию, направляющуюся через Румынию в Чехословакию, не может не озабочивать румынских патриотов, знающих историю своей страны...

Было бы бессмысленно закрывать глаза на то, что влияние Германии и симпатизирующих ей кругов, необыкновенно возросло в Бухаресте. Коренная перемена политической ориентации — в порядке дня...

Не будет ли слишком оптимистической надежда на то, что эта коренная перемена политического климата Европы продиктует ответственным руководителям французской политики мысль о том, что соответствующим образом должна измениться и их собственная линия поведения, что высшие интересы страны и европейской цивилизации требуют, чтобы, отбросив опасную и неблагодарную роль ангела-хранителя Советской России, Франция стала на путь новой решительной и смелой политики, независимой ни от Лондона, ни от Москвы, и прежде всего нашла общий язык со своей могущественной соседкой на Востоке?

Гайдар Баммат.

Спустя 1.500 лет

В большом амфитеатре Сорбонны, в подобающей обстановке, в присутствии многочисленных друзей — иностранцев и при стечении публики, для других кавказских народов непостижимом и не достижимом, парижские армяне отпраздновали 20-го марта 1.500-летие перевода Библии на армянский язык.

Все центры армянского рассеяния ответили на призыв пребывающего в советском Эчмиздине католикоса всех армян, и вспомнили

соответствующим образом о деянии предков, положивших основание родной письменности и христианской церковности, опыту национального бытия их народа.

В каком то смысле праздник этот явился общим и для советских, и для несветских армян, что само по себе не лишено знаменательности, но по существу попятно. Ведь перевод Библии явился начальным, исходным фактом истории армянской литературы и, в то же вре-

ми главным показателем национального самосознания, кристаллизовавшегося впоследствии, по разным причинам, в формах церковно-исповедных.

Нормально и Библия и церковь могли, должны были бы, служить лишь лесами при сооружении здания армянской государственности. На деле последняя слишком рано разрушилась, и сами эти леса получили значение своеобразной национальной организации. Как ни тесны и условны были ее рамки, заслуги ее общезвестны. Она являлась с давних пор хранительницей преданий и надежд везде, где только существовали армянские общины; в последние века особенно благодаря значению ей принадлежавшему, за нею признанному в двух, на теле армянского народа смежных империях — оттоманской и российской. Так было до их недавнего крушения.

Много вообще интересного в истории религиозных переговоров на Кавказе.

Когда то — это было очень давно — обращением в христианство и упорным его отстаиванием армяне думали освободиться из тисков угнетавшей их, хотя во многом им и родственной иранской державы Сасанидов. Позже, братские объятия Вселенской церкви и повелительные манеры Восточной Римской Империи показались им стеснительными. Дабы избежать денационализации и превращения в греков, армяне отошли подальше от Восточного православия и затем тщательно, с примерным усердием, оберегали собственное исповедное лицо. В свою очередь грузины, не взирая на призыв армян к участию в их отходе, предпочли с ними в этом деле не смешиваться и от них отличаться. Еще позже, кавказская Албания, чтобы не быть поглощенной единоверной Арменией и Грузией, стала на ту точку зрения, что «нет Бога кроме Бога, и Магомет его пророк». Но этим самым она и соседям своим, и

себе самой доставила не мало осложнений. По-надобилось доброе тысячелетие, чтобы этот край, наконец, осознал себя, нашел свое призвание.

Впрочем, и на Северном Кавказе, религия не только диктовала политику, но и диктовалась политикой. Охлаждение к христианству, обращение в мусульманство подсказывались здесь нередко инстинктом национального самосохранения. А на Дагестанском, например, побережье Каспийского моря, приверженность к сунитскому толку едва ли не служила предохранительной прививкой против иранизации, которую несла под своим знаменем воинствующая секта шиитов. Не будем, однако, отвлекаться в сторону.

В общем, армянская церковность восходит ко временам расколов и ересей эпохи Вселенских Соборов; а выпестовала эта древняя организация, в конечном счете, Эриванскую Советскую Республику.

Сравнительно с ожиданиями 1919 г., этот результат может показаться недостаточным. Но это только потому, что ожидания эти были донельзя взвинчены и преувеличены. На самом же деле кавказские республики, в числе их и Армения, в том даже скромном виде, какой они имеют в наличности, являются живым доказательством далеко не одного лишь торжества советской революции на Кавказе, но также и живучести, силы национальной идеи, т. е. национальной общественности и государственности, возродившихся на старой исторической и народной почве.

Естественно, этой исторической основе, исторической панораме древней Армении, всему, чем питаются различные отрасли археологии, и был преимущественно посвящен праздник 20-го марта. В нем, конечно, мало было кавказского, и был он скорее всего апофеозом старины; это тем любопытнее, что живая Ар-

мения, как и соседние республики, полна всякой новизны и, подобно им, обращена к будущему, которое, по всей видимости, будет у них более общим, единым, чем было их прошлое.

Есть и всегда было неизбежное несоответствие между умпостигаемой Арменией, чей образ сложился в умах многих поколений армян — выходцев из родной страны, и армянской действительностью.

После событий 1914-1920 г.г. фактические предпосылки этого несоответствия видоизменились и, пожалуй, обострились в том смысле, что территориально Армения уменьшилась, и что увеличилось число ее детей, находящихся в рассеянии.

Из кавказских народов одни только армяне имеют настоящую диаспору. Вероятно они сами предпочли бы быть в большем количестве у себя на родине, и в меньшем — за ее пределами. Однако, они с давних пор показали способность к образованию и на чужбине колоний дльщегося значения. Поэтому, армяне диаспоры давно уже являлись важным слагаемым армянства вообще. Их значение увеличилось после войны, вследствие исхода остатков армянского населения из Турции. Зато они лишились одной из двух своих родин: нет более Турецкой Армении. И с этой именно утратой связано умножение рядов армян в Европе и Америке.

Тем большее значение получила Кавказская Армения без дальнейших определений. Другой нет, но есть в ней важное добавление в виде диаспоры и армянских поселений в соседних кавказских республиках.

Армения теперь больше и полнее, чем когда либо в ее истории стала страной кавказской: таков эпитет ее вековых треней свачала с Византией, а затем с захватившими Восточную империю турками. То же самое произошло впрочем и с малоазийскими греками: и они оказались оттесненными за пределы Турции, только в другом, западном направлении. (Их притоком, кстати, увеличились жизненные силы основной Греции, европейской).

С образованием армянской республики на Кавказе, участь Армении окончательно связалась с судьбою ее кавказских же соседей. От этой общности ей не уйти. Как ни значительны армянские колонии на чужбине, от Индии до Калифорнии, сколько в них ни заключается материальных сил и национальных энергий, настоящим залогом будущности этого народа является маленькая республика на Кавказе. Это — его Палестина, притом Палестина без арабов. Эриванская свинца все же лучше журавля по Страбону или Хоревскому.

На торжестве 19 марта один из ораторов не-армян след нужным припомнить и те изгачки, что сердобольные люди жертвовали пострадавшим в Турции армянам в конце XIX в., и более древнюю связь крестоносцев с Киликийской Арменией. Однако, и ставка армян на христианскую Европу в средние века и надежда их на ее помощь в дни великой войны имела одинаковый результат: исход армян на чужбину, т. е. как раз то, благодаря чему так легко наполнился 20-го марта огромный зал Сорбонны. Но разве в этом дело?

3. Авалишвили.

Еще о предателях Кавказских народов

О пагубной, антинациональной и антигосударственной роли, которую сыграли разные «партийные люди», стоявшие у власти или торчавшие около в эпоху самостоятельности кавказских республик, сказано многое. Прибавим к этим многочисленным свидетельствам ниже следующее документы:

1) Выдержки из статьи Л. Верна о Кирове («Правда», от 1 декабря 1935).

«...А нефть была нужна до-зарезу. 80 миллионов пудов нефти, отправленной в 1918 г. бакинскими большевиками, сыграли громадную роль в борьбе красной армии... Ставя перед собой задачу отвоевания Петровска и Баку, Сергей Миронович (Киров) одновременно делал все возможное для получения из Баку нефтепродуктов, в первую очередь бензина и смазочных масел.

Мусаватская бакинская радио-станция находилась тогда фактически в руках большевиков, имевших на ней своих людей. Это давало возможность Кирову часто связываться с Баку и с бакинским большевицким подпольем.

Бакинские большевики в мае 1919 года организовали борьбу широких масс бакинских пролетариев под лозунгами: «Товарообмен с Астраханью», «Вывоз нефти в Россию». Борьба началась майской стачкой бакинских рабочих. Неудача стачки, окончившейся арестом стачечного комитета в голове с тов. Микояном, заставила принять иные меры доставки нефтепродуктов на Север.

С огромным риском, Кировым (находившемся тогда в Астрахани), была налажена транспортировка бензина из Баку в Астрахань на «киржимах», простых гурьменских лод-

ках. Летом и осенью 1919 г. Киров в Астрахани создал целую флотилию в несколько десятков лодок. Для этого были нужны люди, беззаветно преданные партии и советской власти... Нефтепродукты прибывали на лодках в незначительных количествах, но в общей сложности было переброшено свыше 20.000 пудов. Этого было достаточно для оживления астраханской авиации самолетов и автотранспорта и для поддержания борьбы красных частей на Каспийском побережье...

Летом 1920 года Киров был полномочным представителем РСФСР в меньшевицкой Грузии в Тифлисе. Здесь он был подлинным представителем страны Советов, представителем Ленина-Сталина, фактически руководя большевицкими организациями Грузии.

2) Выдержки из доклада Д. Багирова о Кирове на общebaкинском партийном активе.

(«Заря Востока», от 16 дек. 1935 г.)

«16 декабря 1919 года, тов. Киров в шифрованном письме на имя бакинской большевиков пишет:

...«Сообщите все явки в городах Закавказья и Северного Кавказа, которые вы имеете. Для связи с нами старайтесь посылать надежных людей, лучше пожилых, с которыми можно было бы послать вам деньги. Посылайте как можно чаще. Установите обязательно в Баку явочную квартиру и явку сообщите нам... Не забывайте поддерживать деньгами горцев»...

Из вышеприведенных документов вытекают ясно следующие обстоятельства:

1) План «отвоевания Петровска и Баку», главным образом из за нефти выставляется ярко и со всей циничностью большевицким пред-

ставителем: теперь уже большевики не стремятся прикрывать свои прошлые завоевательные экспедиции «самоопределением горско - азербайджанского пролетариата» и «внутренней революцией» этих народов.

2) Этот завоевательный план облегчался, главным образом, тем обстоятельством, что на местах, благодаря отчасти преступной беспечности, а отчасти просто изменнической деятельностью отдельных политиканов, большевики имели в нужных местах «своих людей», ставивших их в курсе всего, что происходило в Азербайджане, что и обнаружилось в трагический день 27 апреля еще более скандальным образом: «свои люди» занимали самые высокие посты, имеющие отношение к государственной безопасности и армии. Проклятие азербайджанского народа и всего Кавказа, проклятие истории будет висеть вечно над этими малодушными изменниками!

3) Перед глазами властей, большевики

увозили азербайджанскую нефть, которую они впоследствии и использовали для завоевания Азербайджана!

А в какой форме осуществлялся наказ Гирова о «явочной квартире» в Баку, об этом уже умалчиваем из за уважения к тем единичным членам азербайджанского правительства и парламента, которые выполняли свой долг. Увы! их были единицы...

4) Несколько смехотворными кажутся поуту некоторых политических деятелей меньшевнического толка Грузии, кои, не выполнив своего обязательства по отношению к союзному Азербайджану, «глубокомысленно» думали сохранить грузинский оазис на развалинах республик Горцев и Азербайджана! И которые, заключив «пакт» с большевиками, принимали у себя их «посла», не думая, что этим вводили волка в самую гущу стада...

Азери.

Идолы марксистской Грузии

Не так давно в грузинской эмиграции имели место торжества, по меньшей мере неуместные, чтобы не сказать больше, в национальной эмиграции: грузинские меньшевики справляли сороколетие существования грузинской социал-демократической партии и грузинского марксизма. «Сороколетие» партии, которая, как самостоятельная грузинская партия, существует только с 1919 года — натяжка являю недобросовестная! Великому хорошо известно, что до объявления независимости Грузии, в нашем отечестве орудовала и творила свое руссификаторское дело российская социал-де-

мократическая рабочая партия. Но «грузинскому марксизму», иначе говоря проповеди марксизма на грузинском языке и среди грузинских революционных элементов, пожалуй, все сорок лет и первородный грех грузинских марксистов в том то и состоит, что будучи совершеннейшими нигилистами в национальном вопросе, они возставали не только против автономии или независимости Грузии, но и против существования независимой грузинской марксистской партии.

Когда, сорок лет тому назад, идеи Маркса впервые стали проникать в Грузию, то в Тиф-

лисе было несколько «фабрик халвы» и столько же «заводов» лимонада и других шипучих вод. Но успех марксизма с его мрачной теорией «борьбы классов», «концентрации капиталов», «пролетаризации масс» и как неизбежного следствия отсюда — «коллективизации производства», среди пролетариата, занятого столь «сладким» и незатейливым трудом, был огромный! Правда, в жиденьком оркестре примитивного грузинского экономического строя были и такие барабаны, как начинающаяся марганцевая промышленность в Чиатурах или «мастерские» закавказских железных дорог в Тифлисе, ставшие впоследствии главными инструментами того шума, который производил грузинский социализм. Но как раз про эти центры «грузинского капитализма» нужно сказать, что по своей натуре они очень разнились от того определения, которое дается капитализму марксизмом. Добыча чиатурского марганца производилась руками обыкновенных сельчан, тративших свои хорошие заработки на покупку быков лучшей породы и на постройку отличных виноградников, — следовательно, не было у нас пролетариата, а хозяйном железнодорожных мастерских выступала кавказ, следовательно, не было и капиталистов. Не слишком было ничего и о глубоких марксистских «процессах», в недрах бедной грузинской экономики. В живописной, солнечной и плесневелой Грузии, выражаясь словами одного старого путешественника, — «люди жили с жалым издвигением». Капиталы концентрировались туго или вовсе не «концентрировались», а если «массы» и беднели, то скорее от отсутствия лишних предприятий и заработка, чем от бурного наступления капитализма.

Вестественно, что при таком положении вещей, марксизм из «учения» о капитализме экономически развитых стран, должен был вырлиться в Грузии в простую и демагогическую

защиту обыкновенной бедноты, этой вечной спутницы всех форм экономической жизни человека и прародительницы всех революций, когда либо случавшихся в истории. Такую социалистическую революцию можно устраивать каждый день и по каждому поводу.

Проходя мимо витрин больших магазинов, заставленных дюжинами разодетых манекенов, такому революционеру и защитнику справедливости на земле, легко прийти в ярость, собрать толпу плохо одетых людей, которых всегда много на улице, и разграбить магазин. Это тоже акт утоления жажды «справедливости!» Другого сравнения социалистическая революция не заслуживает. Смешно, в самом деле, а для революционера даже возмутительно, чтобы плачьи торчали на чурбанах, в то время, как их не хватает на живых людей! Разве в этом нет правды!? Но есть что то мерзкое в самом замысле подобного акта и что то гнусное в таком служении справедливости. Память возженная Богу есть все же память и непревзойденное кощунство, а не филантропия.

Грузинский марксизм не уклонился от такой революции. Он стал во главе крестьянской бедноты и руководил грузинской жакерией. Было и трагично и до смешного досадно, как вместо «стройных рядов» промышленного пролетариата, немевшегося в Грузии, на борьбу за социализм шли красные крестьянские дружины, с портретом луноглазого Маркса на знамени, а в душе с единственной тайпой жаждой, присущей всякому человеку от земли — отхватить у соседа лучшее поле!

Винять теперь грузинских марксистов в том, что они «извратили» марксизм, вещь бесполезная. Да вряд ли есть лучший марксизм! «Извращение» в данном случае равняется законной акустике обстановки. Звучать иначе марксизм в Грузии не мог и плоды сорокалетнего подвижничества грузинских марксистов

налицо. Это — советская Грузия! Эта советская Грузия родилась в результате долголетней революционной и социалистической борьбы грузинских и русских марксистов. Их объединяла одна общая российская социал-демократическая рабочая партия во главе с Плехановым и Лениным. Сталин — законное дитя этой русско-грузинской марксистской борьбы. Гибельная роль, сыгранная грузинскими марксистами в судьбах Грузии, в этом и заключается. Грузию они закрепили за Россией еще в большей степени, чем это сделали трактат 1783 года или акт «присоединения Грузии» 1801 года.

Но за сорок лет в среде российских марксистов произошли большие сдвиги. Плеханова окончательно сменил Ленин. Не мудрено, что такая же смена должна была произойти и между их грузинскими «алтер эго», между Жордания и Сталиным, тем более, что на посту главы мирового марксизма Сталин сменил самого Ленина. И вот картина этой смены богов марксистской Грузии и разворачивается в настоящее время перед нами.

Со дней моей юности, мне и всякому грузинскому патриоту-националисту было известно, что видимым главой «революционной грузинской социал-демократии и основоположником «грузинского марксизма» был и является Ной Жордания. Такому убеждению многих грузин столько же лет, сколько и самому грузинскому марксизму. Впрочем, маленькая оговорка все же необходима. Как бы странно не звучало такое сравнение, про грузинский марксизм нужно сказать, что с самого своего начала он имел что-то общее с бутылочнейшая шробка! Поэтому, собственно говоря шампанского вина. Первой отсюда скачет рья, пионером грузинского марксизма был даже не Жордания или не в меру самовлюбленный Филипп Махарадзе, а совершенно простоватый

Миха Цхакая, первый немощный президент советской Грузии. Но так как на простакон никто истории не пишет, Миха Цхакая так и остался в тени и главой грузинского марксизма все время считался Ной Жордания.

Так было до сих пор на основании дат и фактов безшабашной истории грузинского марксизма.

Но вот выступил Лаврентий Берия, большевикский муж, самый, могущественный, после Сталина, в Грузии и на всем Кавказе, секретарь грузинской коммунистической партии, а в прошлом председатель чека, человек, про которого, в юбилейные дни советизации Грузии весь Советский Союз хором кричал, что он самый «верный ученик» Сталина. Берия не без основания заявил, что подлинным главой революционной грузинской социал-демократии был и остается не «мелкобуржуазный» Жордания, а сам глава мирового пролетариата — Сталин!

Каковы аргументы Берия? Аргументов Берия не выкладывает ибо они ему и не нужны. Было бы хорошо, если бы Берия не заговорил бы об этом, а Сталин не думал бы так, так говорит Берия. Но раз это случилось, раз Сталин пожелал, чтобы существовала правдивая история грузинской социал-демократии, то возражать теперь Сталину и утверждать, что основоположником грузинского марксизма является не он — Сталин, с такой полнотой осуществлявший марксизм в Грузии, а кто то другой, как то и поздно уже и трудно и даже рискованно, если, конечно, перенестись на мгновение в Грузию, а не маячить здесь, в эмиграции. Словом, не вдаваясь во все подробности спора между грузинскими марксистами, можно, в кратце заключить, что грузинские большевики поступили с Жордания точно также, как сам Жордания поступил с грузинскими националистами, посвятив здесь, в эмигра-

ции, целый ряд статей вопросу о том, что главной и вдохновителем грузинского национального пробуждения был не человек такого большого грузинского сердца, как Илья Чавчавадзе, а он — марксист Жордания.

Теперь, меньшевицкая газета «Брдзалис Хма», издававшаяся в Париже с лозунгом «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», что то невнятное бормочет и силится доказать, что это вовсе не так и что большевики только и заявляют, что врут по обыкновению.

«Революционное движение Грузии было почти целиком социал-демократическим движением и само собою разумеется, что его руководительницей должна была явиться социал-демократия, начавшая свою деятельность под именем «месамэ даси». Теоретиком же, автором ее программных выступлений и лицом, дававшим ей направление был и остался до конца Ной Жордания. Это общезвестный факт: это известно каждому грузину, как взрослому, так и малому...», пишет робко марксистская газета, и как будто не врет. Но делу от этого не легче!

О том, что Жордания всегда был главой грузинского марксизма и только по стечению дурных обстоятельств очутился во главе устройства государственной и национальной жизни Грузии, конечно, давно известно или было хорошо известно, по крайней мере, до сих пор. Но «Брдзалис Хма» должно быть отлично известно и то, что людям и в особенности толпе «наилучше» бывает известно то — чему ее «сучать». Когда то «каждому грузину» было известно, что Бог существует, а родина священное жилище человека. Но марксизм, которому «Брдзалис Хма» служит и сейчас,

так ретиво, научил людей, что Бога нет, а родина — простое и пустое душко в дереве человеческого рода. Тот же марксизм, проповедывавший свирепую «классовую борьбу», превращенную под конец в звериную войну между самими же марксистами, учил, что можно присваивать все чужое будь то имя вещь или родина. Жордания был изгнан из Грузии тоже соединенными силами русских и грузинских марксистов. Теперь его имя изгоняется из истории грузинского марксизма. Можно ли было это предвидеть... однако случилось и это! Раз толпа стали учить тому что подлинным главой «революционной грузинско социал-демократии» является Сталин, а не Жордания, то в силу марксистской демагогии толпа так это и запомнит.

Наша жизнь коротка, — хотелось бы мне сказать романтическим сторонникам Жордания из «Брдзалис Хма». Это основное правило жизни. А потому, в жизни очень сильно и действие другого правила: у людей успех имеют мимолетные откровения, поставляемые жизнью повседневно. Никому из нас не дано жить столько, чтобы дожить до издания «академической истории» грузинского марксизма. Да серьезно никому она и не нужна. Для такой «повести», как марксизм, хороши все варианты. Недурно составлен и вариант Лаврентия Берна. Нуль цена тому, что кто то вдали будет его опровергать. Когда, исполнив свой жизненный путь, и Берна отойдет в лучший из миров, ему самому будет наплевать на то, что он тут присочинил. А пока люди будут повторять его слова. Что и требовалось доказать.

Ш. Амиреджиби.

Муса Паша Кундухов

(БИОГРАФИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ)

Имя генерала Муса Паши Кундухова, жившего и действовавшего в тяжелую эпоху Кавказской войны за независимость, по сие время памятно народам Сев. Кавказа и старой кавказской эмиграции.

Однако, изустные рассказы, зачастую самые противоречивые, и скудные сведения Тифлиских архивов не давали достаточных данных для суждения о личности и деятельности этого замечательного человека, оставившего неизгладимый след в истории народов Сев. Кавказа.

По счастливой случайности мы теперь располагаем совершенно неизвестным до сего времени материалом, оставленным самим Муса Пашой, который поможет нам разобраться во многом, касающемся его личности и бурной эпохи войны за независимость, закончившейся массовым переселением кавказцев в Турцию.

Книга Муса Паши Кундухова, чудом уцелевшая от пожаров, войн и революций, и любезно предоставленная нам для напечатания внуком его Шевкетом Кундуховым, является ценным вкладом в историю Кавказа.

Книга эта, а также неоднократные мои беседы с сыном Муса Паши Бекир Самим беем, бывшим министром иностранных дел Турции, дают нам возможность осветить личность и деятельность одного из самых замечательных кавказских деятелей.

**

Муса Кундухов происходил из рода тагаурских аддаров (владельцев), управлявших до прихода русских на Кавказ, восточную часть

Осетии, заключенной между р.р. Терек и Фиагон и известной в истории также под названием Тагаурии или Тагаурского общества*).

Владения тагаурцев на юге граничили с Грузинским царством по линии главного Кавказского хребта и включали северную часть Военно - Грузинской дороги (Дарьяльское ущелье), которую тагаурцы охраняли и контролировали, взимая с проезжих таможенную пошлину на заставе Ларс**).

Родители Муса Паши — отец Алхаст Кундух и мать Долет-ханым, рожденная Дударова, жили в горном ауле Савиба, где и родился у них сын Муса в 1818 г.

Семья, к которой принадлежал Муса была многочисленна. Он имел еще четырех братьев: Хаджи Хамурза, Хасбулата Идриса и Афако.

Муса Кундухов явился на свет как раз в начале той эпохи, когда Россия, вслед за присоединением Грузии (1801 г.), готовилась к завоеванию всего мусульманского Кавказа.

Одним из способов завоевания Кавказа, особенно в начале, был метод так называемый «просветительный», т. е. по приказу царя двери петербургских, московских и др. кадетских

*) О тагауриях см. М. Ковалевский «Древнее право и обычай осетин».

**) Право сборов пошлин с проезжих по Военно-Грузинской дороге, называвшееся «сельчий хай», свидетельствует о турецком происхождении института. Слово «сельчи» или «позчи» — по турецки значит посол или путник. Хай или пай по осетински и по турецки означает доля, или право. А. К.

корпусов были широко раскрыты для бесплатного обучения в них детей знатных и влиятельных кавказцев.

Специальные агенты, то уговорами, то угрозой, заставляли последних отправлять своих детей в школы Белого царя. Дети влиятельных кавказцев, обучавшиеся в русских военных школах фактически являлись заложниками в руках русского правительства и потому в истории эпохи им присвоено название «аманатов».

Для аманатов был создан особый режим, ничем не отличный от режима для военнопленных, отдававший несчастных детей в руки грубых и невежественных фельдфебелей, которые баловали своих «сучеников» и делали из них большую часть ненавистников России.

В качестве такого аманата в 1830 г. двадцатилетний Муса Кундухов был отправлен в Петербургский Павловский корпус, откуда, спустя шесть лет, выпущен в офицеры по завалерии.

Через год, в 1837 г., молодой офицер Муса Кундухов, в качестве переводчика эскортирует экипаж императора Николая I во время его пребывания на Кавказе.

Отсюда начинается блестящая карьера, приведшая его в молодом возрасте к генеральскому чину, орденам, почёту и славе, не давших, однако, Мусе ни счастья, ни нравственного удовлетворения.

Служба Мусы Кундухова в русской армии совпала с разгаром жестокой войны между Россией и его родиной, Кавказом, уже возглавляемым талантливым вождём Имамом Шамилем.

Россия охватила железным кольцом Кавказ и стала грабить и разрушать цветущую страну, хозяйство которой по свидетельству М. James Bell «напомнило наилучшие куль-

тивированные части Норкского графства» Англии*)

Судьба Кавказа была поставлена на карту. Перед каждым сознательным кавказцем стала ужасная дилемма о жизни и смерти.

Шамиль завладел массой. Все живое шло в патристическом порыве под его знамена на борьбу за независимость.

В этот героический момент Муса переживал душевную драму. Нравственное состояние и положение его были тем более ужасны, что у него обозначилось политическое расхождение с многочисленными родственниками и особенно родными братьями Хаджи Хамурза и Хасбулатом, которые «считали войну священным долгом для всякого кавказца, не исключая грузин и армян и ушли к Шамилю», стали в ряды национальной армии и, будучи горячими последователями Имама, беспощадно дрались с русскими. Один из названных братьев Мусы Хаджи Хамурза пал смертью храброго в Чечне в 1844 г.

Само собой разумеется, что при таком положении Муса не мог скрепить оружие со своим народом и братьями, за которыми, встать сказать, он впоследствии признал превосходство в оценке момента и в прогнозе событий.

Поэтому Муса то занимал на Кавказе должности военно-административного характера, (сначала начальник Осетинского военного округа, потом Чеченской области), то кидался в Варшаву и Краков для участия в Венгерской кампании «европейского жандарма» (1848 г.)

В продолжение всей эпохи войны за независимость Муса Кундухов по своим политическим убеждениям примыкал к тому мень-

*) М. James Bell — «Journal de résidence en Caucasic en 1837-38 et 39», t. I, pages 105-106.

шинству кавказцев, которые полагали более целесообразным нахождение какой-нибудь формулы для установления мира и нормальных отношений между Кавказом и Россией, хотя бы на основах полной автономии Кавказа.

Муса сочувствовал Шамилю и своим братьям и «от всей души желал им успеха», но считал Шамиля плохо подготовленным в военном отношении. Заодно с храбрым наибом Ахверды-Магомедом он подвергает Имаму жестокую критику за нерешительность и роковые ущущения. По его мнению во время Даргинского похода кн. Воронцова (1845) «Шамиль не сумел воспользоваться близостью русских, иначе русский главнокомандующий и наследный принц Гессенский Александр с остатками своих войск были бы у Шамиля военнопленными»... Приблизительно тоже самое было под Владикавказом и Пальчиком в 1846 г.

Делая выводы из этого и считаясь с несоизмеримо большими силами России Муса воздерживается от перехода на сторону Шамиля, между тем, как это представлялось лучшим способом для разрешения задачи, но вместе с тем всячески стремится к примирению воюющих сторон на условиях, приемлемых для Кавказа.

Благодаря высокому положению в русской армии, своему такту, родственным связям и влиянию среди горцев, Муса Кундухов избирается посредником в переговорах между Шамилем и русским главным командованием на Кавказе.

К сожалению, эти переговоры кончились неудачно. Шамиль требовал независимости всего Сев. Кавказа, русское же командование настаивало на линии, по которой Малая Чечня, Терек и Кубань оставались за Россией.

Конечно, в этом случае не могло быть и речи о мире и война продолжалась до падения Гунгиба и сдачи Шамиля (1859).

Почти через несколько месяцев после этой траурной даты Муса был произведен в генералы, с тем очевидно расчетом, чтобы использовать его в деле замирения вновь завоеванного края.

Действительно, в 1860 году он назначается начальником Чеченской области, которую он принимает с условием гарантирования чеченскому народу со стороны русского правительства имущественных и политических прав на базе самоуправления.

Под таким влиянием Мусы Кундухова возникает пресловутая прокламация императора чеченскому народу, юридическое содержание которой можно рассматривать как признание за этой областью автономии.

Прокламация имела успех и внесла некоторое успокоение в народную массу, уставшую от войны. Муса считал себя тоже удовлетворенным. Его формула стала осуществляться. Если не удалась программа максимум Шамиля, то он надеялся провести свою программу минимум.

Теперь ему, окрыленному надеждой, ничего не оставалось как приложить все свое влияние, чтобы обобщить свою формулу и распространить ее на остальные области Дагестана, Терека и Кубани. Увы! Муса Кундухов и чеченский народ очень скоро обманулись в своих ожиданиях и горькое разочарование пришло на смену радужным мечтам.

Как только закончилась война на зап. Кавказе с черкесским меджлисом (1864), русское правительство самым безсовестным образом нарушило все свои обещания и все человеческие и божеские законы.

Началась трагическая страница истории Кавказа.

«Орел двуглавый», воспетый Пушкиным, спустился «на негодующий Кавказ» и взял в

железные когти изнаможденное тело несчастного побежденного народа.

Правительство «Царя Освободителя» начало наводить порядки во вновь завоеванном крае. Началась безпримерная вакханалия.

Насильственное распространение христианства, введение телесного наказания, полное неуважение к обычаям страны и национальным святыням, неприкосновенности жилища и собственности — вот первые действия «культурных» завоевателей, повергнувшие кавказское население в ужас и отчаяние.

Главным руководителем этого погрома, по свидетельству Элизе Реклю, был брат императора «вел. кн. Михаил Николаевич, подписавший декрет после последнего сражения (1864) с приказанием горцам освободить свои земли в течение одного месяца под страхом применения к ним правил о военно-пленных»...

Муса видел вочию как проводился этот безчеловечный приказ в исполнение, как отбирались земли у его сородичей и отдавались в ветоимственное владение русским офицерам и казачьему сословию.

В итоге таких колонизационных мероприятий получилась картина вопиющей социальной несправедливости: на долю одной горской семьи в среднем досталось 0,5 десятины, в то время как на долю казачьей семьи выпало 29 дес. земли (положение, сохранившееся до революции и не вполне урегулированное до настоящего времени).

Муса боролся всеми доступными ему средствами против этой несправедливости, ходатайствовал, убеждал, оспаривал, подавал докладные записки о снятии казачьих станиц Николаевской, Архановской, Сулженской, Карабулакской и т. д., просил, наконец, о «сравнении падежам землей туземцев с казаками»...

Напрасно! Молбы и просьбы оказались

недостаточными мерами для того, чтобы выдворить свинью из огорода.

«Сни истины внушили мне отвращение к продолжению службы», говорит Муса, признаваясь в своем полном бесплии и уходит в отставку.

Генерал бросает мундир, чины, ордена и делается революционером, ненавистником России.

При чем, после долгих и мучительных разсуждений, сегодня казующихся политически совершенно необоснованными и наивными, Муса Кундухов принимает роковое решение, которое трудно понять и нельзя оправдать — переселение в Турцию со всей семьей и шародем.

Иначе говоря, присоединяется к заправленной и обезумевшей массе и, увлекая ее число, играет на руку петербургским авторам июньского декрета 1864 г. об опустошении Кавказа. Талантливый администратор и воин обнаружил полное отсутствие политического чутья.

Никто из современников М. Кундухова, ни друзья, ни враги, не одобряли его персонального ухода в Турцию.

Причем, мотивы русского правительства, конечно, были эгоистического свойства: оно не хотело выпускать из рук опытного и осведомленного генерала во враждебную страну и одновременно опасалось осложнений и народных волнений в это тревожное время, когда воздух был насыщен еще горячим материалом и духом непримиримого сопротивления.

Друзья его, в числе коих надо назвать его соотечественников Хусейна Пашу и Али Пашу Берзек, с которыми он беседовал во время своей предварительной поездки в Стамбул, были вообще говоря против переселения и настойчиво рекомендовали Мусе «не торопиться» с этим. Но Муса был неумолим. Заручившись согласием оттоманского правительства относи-

тельно предоставления переселенцам возможности компактного расселения в Анатолии, он повел пропаганду в народе о поголовном уходе в Турцию. Необходимо оговорить, что роль Турции в этом вопросе была абсолютно безупречна. Полная сострадания к своим единоверцам, она не могла отказать им в убежище.

Обнажение Крыма, а вслед затем и Кавказа для русской колонизации, подползавшей к анатолийским границам, не могло радовать ни одного благомыслящего турка.

Отсюда совершенно ясно, что Муса Кундухов, заблудившийся между двух сосен, не был ни турецким, ни русским агентом в деле переселения горцев в Турцию и, следовательно, нельзя его заподозрить и в корысти.

Его материальное положение было прекрасно и могло быть еще лучше, если бы остался в России, т. к. в этом случае вел. кн. Михаил, Лорис-Меликов и его личный друг ген. Барцев предлагали ему большие латифундии в Польском крае или на Кавказе, по выбору.

К тому же переселенческая волна обозначилась значительно раньше и приняла катастрофические формы в 1859 г. (первая эмиграция), когда Муса был занят еще своими мирными проектами. При чем, необходимо заметить, что эту волну подталкивали не только штыки, но и религиозная провокация, искусно поддержанная русским правительством, и под конец принявшая в даскаленой атмосфере характер массового психоза, захватившего и Мусу Кундухова.

Вот как передает это настроение эпохи Ed. Dulaurier*):

«Для черкесов турки были дружественным и священным народом. Они представляли себе султана, великого падишаха истинно верующих, как самого могущественного монарха в

мире, могущего сыпать их щедрой рукой неисчислимыми богатствами. Они воображали государство султанов убежищем, в котором будут жить в довольстве и изобилии. Земли, которые они найдут там будут широкой компенсацией за те, что Россия опустошила огнем и мечем...

На все советы оставаться на Кубани они отвечали — может быть с вами нам будет хорошо, но мы хотим жить и умереть среди наших братьев мусульман. Наше желание — дасть покой нашим костям на священной земле»...

Почти такими же доводами оперирует Муса Кундухов, убеждая чеченцев и осетин к переселению в Турцию, с той лишь разницей, что он надеялся «вернуться на Кавказ с турками и правильно организованными мухаджирскими войсками и избавить страну от ненавистного русского правительства»...

В 1865 г. Муса Кундухов со своей семьей*), родственниками и сородичами, которых набралось свыше 3 тысяч семейств, оставил Кавказ и вступил в Турцию через Эрзерум, где был встречен с почестями и возведен в чин турецкого генерала (паши).

Муса Паша обосновался в сел. Батманташ, близ Токата, где оставался до начала войны 1877-78 г.

Вместе с ним ушел в Турцию родной племянник его Темирбулат Мансуров — молодой офицер и талантливый поэт, живший и похороненный в Батманташе.

В лице Т. Мансурова, запечатлевшего огненными строфами эпоху изгнания горцев, осетинская литература понесла незаменимую потерю.

*) Жена, урожденная Кубати, старший сын Аслан бей, взятый из Одесского кадетского корпуса и второй сын Векир Сами, которому был год от рождения.

*) Revue des deux Mondes du 1 janvier 1866.

По силе и характеру творчества многие сравнивали Мансурова с его современником Ламартинем.

К сожалению, большинство его произведений, не увидев света, погибло во время пожара в Балмапташе, или затерялось после его смерти.

В Турцию переселились также сы Шамиля, Казимагомет паша и несколько позже Магомет Фазиль паша, бросивший службу в войсковое русское царя.

Факт пребывания в Турции многочисленной кавказской эмиграции, (число которой колебалось по различным статистическим данным между 1 - 1 1/2 милл. душ) во главе с сыном Шамиля Казимагометом и Муса Пашой, не мог не беспокоить Россию 1877-1878 г.

Поэтому, приблизительно за три года до этой злосчастной войны, русское правительство командировало в Стамбул ген. Фадеева со специальным поручением переговорить с названными кавказскими генералами относительно переселения оставшегося на Сев. Кавказе и Дагестане населения на афганскую границу для образования там «нового Кавказа» — самостоятельного государства под протекторатом России, с отнесением всех расходов по переселению за счет русской казны.

Это дициное и авантюрное предложение было отвергнуто Казимагометом и Муса Пашой, под предлогом «не желая быть орудием против единоверного афганского народа».

Думало ли русское правительство серьезно об этом химерическом плане создания нового буферного кавказского государства у предверия Афганистана и сферы английского влияния, или оно имело в виду обезвредить этим маневром кавказскую эмиграцию, могущую способствовать успеху турецкого оружия в ожидаемой войне — неизвестно.

Как бы то ни было, в последнем предло-

жении царская дипломатия не ошибалась. Грядущая война 1877-78 г., в которой Муса Паша и Казимагомет Шамиль, во главе с кавказскими добровольцами приняли самое энергичное участие на Анатолийском фронте, под главным командованием Ахмет Мухтар Паша — фельдмаршала оттоманской армии.

Муса Паша в этих боях, особенно под Бегли-Ахметом и Владиварсом, сначала в качестве командующего кавалерийской дивизией, а позднее начальника штаба анатолийской армии, проявил большие способности полководца в связи с чем его имя вошло в военную энциклопедию.

Тут про него сложилась русская солдатская песня нижегородских драгун под названием «Изменник Паша Кундухов», которую помнила царская армия до последних дней своего заката.

Финал войны, завершившийся Берлинским трактатом общеизвестен. Дряхлевшее оттоманское правительство преступно проиграло ее и вследствие этого, само собой разумеется, затаенной мечте Муса Паша «вернуться на Кавказ и избавить его от ненавистного правительства» не было суждено исполниться.

Муса Паша получил еще один сокрушительный удар неумолимой судьбы:

В то время, как восстание в Дагестане и Чечне, вспыхнувшее одновременно с этой войной, было подавлено с беспощадной жестокостью и волна новых изгнанников потянулась по протоптанной страдальческой тропе в Турцию, он сдавал ключи города Эрзерума своему ненавистному противнику Лорис-Меликову.

Святая и христианнейшая Русь торжествовала дешевый триумф, даровав одной рукой свободу балканским братушкам и наживав другой цепи рабства на свободолюбивый Кавказ.

Энергия Муса Паша была сломлена. Он

ушел на покой и остаток дней своей жизни провел в Эрзеруме, где умер в 1889 г. и похоронен в мечете Норманлы-джами, рядом со своим братом Хасбулат беем, бывшим соратником Шамиля.

Но русский конмар не оставил в покое Кундухова и после смерти.

Во время великой войны при заятии опять

русскими войсками Эрзерума, мечеть и могила Муса Паши были разрушены солдатами и, таким образом, кощунственный акт, уже предвещавший большевизм — явился печальным эпилогом бурной эпохи, которую можно заключить двумя словами: горе побежденным.

А. Кантемир.

Copyright by Chevket Koumdoukh and «Caucase».

Мемуары ген. Муса Паши Кундухова

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ*)

Старшина Гехинского Общества и пленный солдат. — Вызов охотников в Венгерскую кампанию. — Назначение меня номандиром конно-горского дивизиона. — Брожение среди тагаурских алдаров. — Переход брата моего к Шамилю. — Отпуск мой на Кавказ и свидание с братом.

Вернувшись в Тифлис князь Воронцов, между прочим, спросил меня:

— В каком же настроении дух у чеченцев?

Доложив ему почти слово в слово написанное, я продолжал:

— Хотя надежда на Шамиля и на свою силу у них менее прежней, но желания изъявить покорность я в них не заметил. В будущем их ужаснее смерти пугает нужда и гонение.

Князь, нахмурившись, что то начал обсуждать в душе и немного спустя спросил меня:

— Какой же результат ожидают они от продолжения войны?

— Они его понимают, — ответил я, — но, к несчастью, говорят: «лучше умереть, чем увидеть и испытать то, что русские хотят делать с нами».

— Гм! — сурово заметил князь, — для этого не надо им большого ума: умереть сумеет великий дурак. Неужели между чеченскими влиятельными людьми нет таких, которые могли бы понять, что Шамиль и с ним все духовенство употребляют доверие к ним народа во зло?

— Очень много, — ответил я, — но, как я имел случай доложить вашей светлости, народ, боясь неизвестной своей будущности, повелей им подчиняется.

— Время все разъяснит, — продолжал князь, — мы теперь пойдем вперед медлен-

*) См. «Кавказ» ном. 1/25, 2/26 и 3/27.

ными шагами, но за то где станем, там остаемся твердо!

Тут, кстати, я пожелал сделать ему известным весьма похвальный поступок старшины Гехинского аула Моитты, у которого, ожидая приезда набов Анзорова и Дударова, гостил двое суток.

Старшина этот, рассказав мне подробности бывшего первого кровопролитного дела в Гехинском лесу, заключил его следующим эпизодом: — в этом деле я из пленных солдат взял к себе одного по прозвищу Фидур (Федор). Он находился у меня три месяца. Работал больше и лучше чем можно было от него ожидать и требовать. Все мои домашние его полюбили и обращались с ним как с родным. Несмотря на это он был ничем не утешен. Постоянно был мрачен и грустен. Как только он не работал и бывал наедине, заставляли его в крупных слезах.

К сожалению моему, я узнавши об этом, призвал его к себе и спросил:

— Фидур, зачем ты часто плачешь? Кто тебя обижает? Может быть тебя, помимо твоего желания, заставляют работать, или ктонибудь тебя чемнибудь пугает? Скажи правду. Представьте себе, что он мне ответил:

— Меня никто не обижает, не пугает и не принуждает работать. Я кушаю твой хлеб, должен тебе работать. А плачу потому, что надо плакать.

— Зачем же тебе надо плакать? — спросил я.

— А вы, — сказал он, — зачем воюете и проливаете кровь свою?

— Гм! гм! — заметил я, — мы проливаем кровь свою из за того, что вы, русские, не боитесь Бога и хотите уничтожить нашу религию и свободу и сделать нас казаками.

— Что правда, то правда, — продолжал он, — вот и я столько же люблю свою родину

и религию и за них плачу. Если бы я не попался в плен, то скоро получил бы отставку и в своей деревне со своими родными ходил бы в церковь молиться Богу, а здесь.. — он не договорил — слезы потекли ручьями из его глаз и цвет лица изменился.

Сцена эта так сильно меня тронула, что Валлах (ей Богу) не мог удержать слез и я в ту же ночь посадил его на коня и поехал с ним до Урус-Мартановской крепости и не доезжая четверть версты до ворот я приказал ему слезть с лошади и отправиться в крепость, прося его говорить всем, что он сам убежал от меня.

Таким образом, я с большим удовольствием обняв Фидура, простился с ним. Он, от глубины души поблагодарив меня, как стрела пустился в крепость, а я чуть свет вернулся назад. До сих пор кроме вас, никто ни из домашних моих, ни из жителей не знает истину: считают его бежавшим. Если Шамиль узнает об этом, то, конечно, меня разстреляет».

С того дня к старшине Моитты я питал уважение и готов был ему помочь в чем только мог за то, что справедливая вражда и месть не притупили его сердца.

Он переселился со мной и умер в Эрзерумне.

Остается для меня тайной — тот ли случай, разстрел отставного майора, о котором я рассказал, был причиною перерыва переговоров, или в Петербурге не согласились с князем Воронцовым. Однако более полагаю, что главнокомандующий желая по чувству человеколюбия устранить кровопролитие, не изменил бы свое предложение вследствие невольного поступка Шамиля, если бы он не встретил переговоров этим противодействия в Петербурге, где не знали Кавказа так, как им следовало бы знать.

В следующем, 1848 году, по случаю Вен-

герской кампании, Государю Императору угодно было усилить двумя сотнями конно-горский полк, куда горцы совершенно потеряли охоту отправляться на службу. Потому князь Воронцов, желая представить мне случай командовать этим полком, поручил мне вызвать охотников и отправиться с ними в гор. Варшаву.

В чине майора, гордясь таким лестным назначением — быть командиром полка — я приступил к скорому сбору охотников и в марте месяце 1849 года выступил с дивизионом в поход.

В городе Новгороде Волынском я получил предписание от начальника Главного Штаба действующей армии кн. Горчакова следовать прямо в Венгрию по присланному маршруту.

15 июня 1849 года в гор. Радзивилле я перешел границу и по окончании кампании, в том же году, 24 сентября, прибыл в Варшаву и, сдав дивизион генералу кн. Бебутову, (под командой коего находился старый дивизион), ожидал скоро назначения моего командиром полка, на что более чем кто либо имел право, потому что, как в старом, так и в новом дивизионе все чины были получены мною; кроме того князь Воронцов рекомендовал меня фельдмаршалу как достойного штаб-офицера. Но кн. Бебутов не хотел расставаться с полком, дававшим ему доходу в год не менее десяти тысяч рублей и будучи любимцем фельдмаршала, не знаю каким образом, успел убедить главнокомандующего, чтобы оба дивизиона соединить в один усиленный дивизион и оставить его попрежнему под непосредственным начальством ген. Бебутова (оставя меня командующим дивизионом только по строевой части).

Когда все это было устроено и решено, кн. Бебутов пригласил меня к себе на обед и после сытного хорошего стола объявил мне горькую новость, уверяя, впрочем, что он будто бы при всем желании своем не мог по-

лучить согласия фельдмаршала князя Паскевича сдать мне вполне дивизион на законном основании, как по строевой, так и по хозяйственной части, раньше истечения одного года.

От такого не бывалого в русской армии назначения я наотрез отказался и тут же просил его, как можно скорее, отправить меня на Кавказ и не считать меня таким пошлым дураком, который поверил бы тому, что он иначе не мог сделать.

Кн. Бебутов, как видно из следующих его слов, не совсем поверив моему решительному отказу, опять начал говорить: «Любезный Муса-бек, вы хорошо знаете, что я вас люблю как родного брата, как сына своего, и потому не хочу, чтобы вы упустили из рук случай, который вам предстоит. Через год, может быть раньше, вы будете командовать дивизионом, так, как желаете. Советую вам хорошенько подумать и согласиться на то, что решено Его Светлостью и чего ни вы, ни я и никто не в состоянии теперь изменить.

Услышав опять первый мой ответ он, сильно вздохнув, сказал:

— Ужасный вы человек! — я вас не понимаю, неужели вы думаете, что фельдмаршал будет упрашивать вас остаться здесь.

— Если бы я думал так, — сказал я, — то сумел бы лично обратиться к Его Светлости. Прошу вас верить тому, что я теперь буду думать и стараться только о том, чтобы поскорее выехать из Варшавы.

Затем, не желая более слушать его настаивания, я отправился к дежурному генералу Заблодскому с просьбой о выдаче мне подорожного бланка, прогонных денег и отправить на Кавказ.

Дежурный генерал, будучи заодно с Бебутовым, обещал скоро исполнить мое желание, т. е. отправить меня на Кавказ. При этом он

изъявил свое удивление, что я отказываюсь от такого лестного для меня назначения.

В ожидании отправления моего на Кавказ, пришли ко мне на квартиру депутаты от старого и нового дивизионов и подали мне следующую записку от своего казначея:

«Сейчас же после отъезда Казбека и Пбриса собрались ко мне обе сотни и сказали, что они слышали будто бы вы не остаетесь и уезжаете на Кавказ. Мы шли, говорят они, с Кавказа с Мусою и с ним хотим служить, другого начальника у нас не может быть и что, если наше желание не будет исполнено и Муса оставит нас, то потом уже никто не обманет наших других соотечественников и что никакая власть и сила не может принудить оставаться служить под командою другого. Если вам придется умереть, умрем до последнего, зато соотечественники будут знать каково нам было служить! Вот их слова. Что хотите, то и делайте. Они выбрали из среды себя депутатов, которые теперь вам объяснят то же, что и мне. М. Мизенов. И. Б. Поньевич».

Успокоив депутатов, что все это перемелится, я приказал им отправиться к кн. Бебутову и сказать ему, так же откровенно, все то, что сказали мне.

Бебутов, тревожно выслушав депутатов, в тот же день отправился к дивизиону, где сверх всякого ожидания своего нашел всех членов в ужасном волнении, готовых броситься на него. Бебутов и тут не сконфузился. Он возвратился в Варшаву и сумел поправить все так, что я через пять дней вступил в командование усиленным Кавказским конно-горским дивизионом на законном основании, как по строевой, так и по хозяйственной части.

Таким образом я служил при действующей армии, пользуясь всеми выгодами европейской жизни в среде образованного общества, в кругу хороших знакомых — русских и польских.

Последние к нам, кавказским народам, больше были ласковы и внимательны, чем к русским, грубое обращение коих с туземцами, по естественным человеческим чувствам, внушало сильнейшее отвращение даже всякому благовоспитанному русскому.

Вступив в командование дивизионом, я завел в нем школу и требовал от всякого молодого всадника знать по-русски читать и писать и четыре правила арифметики, а по арабски столько, сколько надо было знать для совершения намаза.

Также нельзя было не обращать внимания на могилы полкового кладбища, где с 1835 г. было погребено значительное число всадников. Будучи отделено от других кладбищ и без всякой ограды кладбище это топталось ходившим в поле скотом. Я построил вокруг него ограду из жженого кирпича, с красивыми воротами. Около них я поставил каменный памятник.

Ограда и памятник этот по прочности своей простоят долго, как укоризна предшественникам моим, которые, в течение шестнадцати лет, пользовались выгодами полка и дивизиона, но не захотели обратить внимания на то, что составляло прямую их обязанность.

Таким образом, хорошим порядком и устройством дивизиона, я желал убедить начальство, что горец умеет ценить и оправдывать доверие.

В 1851 году я получил с Кавказа известие, что старший брат мой перешел на сторону Шамиля и что многие из тагаурских алдар также хотят последовать его примеру. Огорчившись поступком брата моего и желая знать причины неудовольствия тагаурских алдар и при возможности помочь им я, 18 апреля 1852 года, отправился в четырехмесячный отпуск и на всякий случай дивизион сдал, на законном основании, товарищу моему майору Султану Адиль Гирею.

Приехав домой, я узнал, что начальник Военно-Осетинского округа барон Вревский, будучи председателем комитета, учрежденного для разбора личных и поземельных прав туземцев, требовал от высшего сословия представления грамот и актов, которых они, до прихода русских на Кавказ не имея над собой никакой власти, не могли иметь, не от кого было их получить.

Алдари предвидя настоящее свое нищество начали переговариваться с Шамилем. Один из посланных им к алдарам был на дороге убит русским пикетом и письмо Шамиля, адресованное моему брату, было взято с убитого чеченца.

Брат мой, узнав об этом и боясь ссылки в Россию, ушел с семейством своим в Чечню, оставив хозяйство, аул и все имение наше в руках младшего брата моего Афоко, который также боясь права сильного, не ходил ни к одному из начальников.

С позволения начальства я потребовал свидания с братом моим в ауле мирных чеченцев и упрекнув его в необдуманно сделанном поступке, советовал ему воспользоваться позволением начальства вернуться назад и водвориться попрежнему со всеми правами собственности, которая в противном случае неизменно конфискуется.

Брат мой не согласился, говоря: «Лучше не жить, чем жить так как приходится теперь нам дворянам. Попробую свое счастье. Удастся — хорошо, не удастся — я буду в числе тех, которые желали, да не могли сделать».

При этом разговоре нашем со мной были

родственники лейб-гвардии казачьего полка полковник Касбулат-Есенов, ротмистр Заурбек и поручик Ислам Дударовы. Они также, как вообще все тагаурские и дигорские алдари, потеряв всякую надежду на лучшее будущее, желали попробовать счастье и согласились с мнением брата моего: чтобы пришел Шамиль с большою силою и заняв Военно - Грузинскую дорогу выше гор. Владикавказ заставил возстать тагаурцев, куртатинцев, алагирцев, дигорцев, назрановцев, затем Малую и Большую Кабарду (всего более 25.000 дворов).

Зная вражду между сословиями в Тагауре и в Дигоре, а также нерешительность Шамиля я выставил им примером недавний (1846 г.) приход Шамиля в Большую Кабарду и требовал от брата вернуться домой. Но все что было сказано мной о возвращении его домой брат отвергнул с негодованием и таким образом мы разстались с ним.

Я вернулся во Владикавказ и доложив генералу Вревскому о несогласии брата моего возвратиться назад, отправился в Тифлис, где бывшему начальнику главного штаба генералу Вольфу (другу Вревского) сообщил подробно о неправильном взгляде ген. Вревского при разборе личных и поземельных прав высшего сословия горцев.

Вольф с тонкою улыбкою, притворно согласившись со мной, обещал доложить главнокомандующему все, что мною ему было сказано.

Муса Кундухов.

(Продолжение следует)

Несколько слов об армянах

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

Будучи внимательным читателем журнала «Кавказ» и вполне разделяя его точки зрения, я поневоле задаюсь вопросом: почему в священном деле нашего кавказского объединения почти отсутствует сотрудничество армян? Можно даже прямо сказать: армяне уклоняются от каких либо совместных высказаний, не определяют вместе с тем и сами, по крайней мере открыто, своего отношения к будущему устройству кавказского края, как независимого конфедеративного государства? Почему?

Я постараюсь быть по возможности кратким, хотя тема эта чрезвычайно важна и интересна. Но я только ставлю свои недоуменные вопросы, надеясь, что они будут более подробно освещены и разработаны ответственными политическими деятелями и журналистами, обсуждающими возможное осуществление неизбежной для нас проблемы независимого государственного существования.

Почему отсутствуют армяне? Разве эта проблема их не касается? Не интересует? Разве можно ее разрешить на Кавказе каждой народности отдельно, без предварительного соглашения и соглашения с соседями? Нельзя бесконечно отсутствовать в этих гласных совещаниях, точно боясь себя скомпрометировать или хоть отчасти связать самым фактом совместного обсуждения.

Журнал «Кавказ» обращался с неоднократным призывом к руководителям армянской политики и общественного мнения армян в эмиграции, предоставляя даже свои страницы для изложения их мнений именно на ряду с выступлениями представителей других кавказ-

ских народностей. Но и в этом печатном органе, как и всюду при общих действиях и заявлениях, армяне предпочитают отмалчиваться. А между тем призывы «Кавказа» были по своему тону всегда полны искренности и благожелательности, да и будущая кавказская конфедерация, разумеется, мыслилась и разрабатывалась на этих страницах при равноправном вхождении в нее непременно и частном Армени.

Но хотят ли, в конце концов, такой постановки дела сами армяне, их вожди, руководители? Не решаем ли мы за них по своему ту проблему, которая ими уже в тайне разрешена как то по другому, или если не разрешена — то во всяком случае отложена до будущих событий, в виду непримлемости для них именно нашего решения? Каких событий они ждут? Какая конъюнктура на Кавказе представляется им наиболее желательной? Кому и чему готовы были бы предложить они свою помощь и содействие?

Ведь несчастье в том, что сравнительно недавнее прошлое, в связи с нынешним уклонением армян от совместности наших действий, делает позицию их в среде кавказских народов по меньшей мере загадочной. Будем откровенны: руководители политики Армении в послевоенные годы, в эпоху образования кавказских независимых республик, не были надежными союзниками для отстаивания этой независимости против России. Они этого и не скрывали, — газеты не стеснялись писать: «если Грузия владеет Тифлисом, а Азербайджан получил Баку, — наша независимость

едва ли нас может удовлетворить». Конечно, это была эпоха большого разочарования после крушения всех преувеличенных надежд от победы Англии, и впоследствии армяне доказали своим противосоветским возмущением, что они готовы, при известных условиях, бороться даже и с Россией.

Каковы же эти условия? Почему армяне занимают такую изолированную позицию в среде кавказских народов? Какие настроения у них преобладают? Чем объяснить такие, по меньшей мере неосмотрительные, выступления, как приведенная в февральском номере «Кавказа» выдержка из александрийской газеты «Усабер», где предлагается какая-то своеобразная, священная история, дружба одной только Грузии, минуя других исторических участников нашей кавказской группы народов, минуя мусульман.

Чем объяснить этот взрыв дружбы по отношению к одним только грузинам, при постоянном отказе от всех общекавказских выступлений? Но ведь это именно Грузию атаковали армянские войска на самой заре ее объявленной независимости в 1918 году. Это та же история, и очень недавняя, и очень скверная история.

Не следует армянам бесконечно уклоняться от совместного обсуждения и разрешения нашей общей кавказской проблемы, — бесконечности в человеческих делах нет, — и неужели армяне захотят довести дело до того, чтобы эта проблема была в конце концов разрешена без них, помимо них, и может быть даже против них?

Тбилисели.

Великий всероссийский обман

II*).

В российской революции поражает одна характерная особенность: ее анонимность, безличие, отсутствие выдвинутых ею крупных людей.

Допустим даже, что Ленин — человек крупный, хотя такая оценка несомненно представляется спорной. Как мыслитель, как идеолог, как писатель, Ленин ровно ничего не стоит, — но его воля, его упорство, его изворотливость, можно еще прибавить — его цинизм — действительно незаурядны. Во всяком случае Ленин — это все же фигура.

Фигурами по их влиянию и сыгранной ими роли можно еще считать и Троцкого и Сталина.

При этом русский по национальности из них один только Ленин, да и то, в сущности, полу-монгол. И все трое — революционеры, так сказать, первого призыва, до-революционные, старорежимные эмигранты или террористы.

Российская революция уже вошла сейчас в совсем новую фазу, шагнула далеко «за термидор», говоря по аналогии, — уже давно из периода разрушительного передвинулась в период конструктивный и быстро-быстро переходит в национально-государственный период

*) См. «Кавказ» ном. 3/27.

подпочвенного великорусского патриотизма, свалкиного военным объединением.

Правозверные коммунисты, доктрине не изменяющие, уже давно в России «не ко двору». Все эти выкрики о радостной и красивой жизни, жажда благ и заработков, поощряемая начальством, борьба за существование, упорная и хищная — что же это имеет общего с мертвенным распределением ценностей уравняющего всех коллектива?

И это, конечно, вполне естественно: процессе совершенно тот же, что и в Великой революции французской, — выброшенные снизу человеческие массы в лице своих самых сильных и ярких представителей заявляют свои права на жизнь.

Но поразительно другое: безлюдие, — так сказать, личная бездарность этой русской революции, бедность выдвинутых ею фигур.

Новый период осуществляется теми же самыми людьми, которые играли первые роли в трагедии революционно-коммунистического разрушения. Тот же не русский Сталин, приятель и соратник великого Ленина, в сослужении все тех же интернациональных Радеков и Кагановичей и русских бездарностей — Ворошилова и Калинина, разыгрывает нынешние всесельские фарсы приема и поощрения всяких «стахановцев» и девиц скотинок и прядильщиц.

Все эти опереточные диалоги и реплики, которые вот-вот должны закончиться всеобщим плясом «под занавес», — их ведет, и подает, как опытный и удивительно естественный театральней комик, все тот же ближайший оползатель по революционной арене мрачного и страшного трагика — Ленина. Так таки и не нашлось никого другого. Пришлось менять грим, амплуа, слова, интонация все тому же старому революционеру - террористу и коммунисту Джугашвили.

Это он интересуется теперь доением ко-

ров и казацкими конями, говорит «правильно!» всем тем, кто обещает работать круглые сутки, награждает их патефонами и часами. За последнее время мировые события нас вообще приучили ко всяким сенсациям, но все же, когда читаешь эти протоколы московских приемов у мирового коммунистического главы, невольно даешься диву и протираешь глаза: что это тут такое написано?

Поистине советская Россия — это страна великого миража, великого всероссийского обмана. И ни Сталин несколько не стесняется своей новой ролью, ни всякие Радеки и квази-Кольцовы не смущаются его попрежнему славословить, как преемника Маркса и Ленина. Да и чего смущаться — ведь публика в стране такая, что если им сегодня говорили, что социализм и коммунизм — это равенство заработков, нормировка труда и т. п., а завтра скажут, что, совсем наоборот — они одинаково принимают и то, и другое, потому что никогда раньше обо всем этом ничего не слышали, и впервые вообще раскрыли глаза и развесили уши.

Поразительно бездарна русская революция, — до сих пор ни одного самородка, ни одного яркого человека вокруг этой основной группы международных заговорщиков, уже давно принужденных приспособляться к этому стихийно - естественному развитию событий. Конечно, они его старались тормозить, по чувству самосохранения им подсказывает все же считаться с этим неизбежным течением. Что же касается самого Сталина, то он настолько легко и весело - просто вошел в свою новую роль, что порою, право, кажется, будто он сам не совсем точно знает, где именно социализм, а где его право-левые уклоны и с непосредственной радостью воспринимает возды новые горизонты, до известной степе-

ни переживая ту же эволюцию, что и его подданные.

А ведь он волежд не только всероссийский, но и мирового пролетариата, и всех организаций мирового коммунизма и всех вообще народных фронтов, в значительной мере существующих на российские средства. Распоряжения, может быть, в конце концов и не он, но его во всяком случае держат в этом положении видимого вождя, потому что идет он, как конь в шорах, по уже намеченной, намечаемой и подходящей дороге. Кто намечает — это вопрос особый.

Кто вообще кого обманывает — дело не в том. Но говорить сейчас о каких то социалистических достижениях в России — это, разумеется, можно или сознательно обманывая, или искренно и наивно обманываясь. К какой категории, из этих двух, принадлежат Ромел Роллац, Бернар Шоу, Эдуард Эррио и другие апологеты советского социального опыта — в сущности не важно, — важно то, что они рекламируют обман. И обман, индентифицированный в мировом масштабе, дубочно и грубо, с нескрываемым цинизмом.

Страна самого злобешего милитаризма, где все принесено в жертву военной подготовке, где все привилегии предоставлены военным, — выступает всюду за границей, агитируя в иноземном населении против гнета военной службы. А ведь те коммунисты, которые взрывают московской пропаганде, поддерживают ее и идут за нею, они оболщаются именно тем, что коммунизм их должен избавить от военных обязательств, от их тяжелого гнета.

Чего ни коснись — всюду то же.

Борьбу за сокращение рабочих часов ведет та именно страна, где сейчас величесь поощряется властью и рекламируется так называемая «стахановщина», т. е. полное отрицание какой бы то ни было нормировки труда.

Коминтерн, питаемый Москвою, всюду и везде волнуется рабочих и влечет их к коммунизму, оболщая именно всем тем, чего в России нет и в помине. Все основано на том, что в широких массах вне России советская действительность в точности неизвестна и, разжигая малейшее неудовольствие, отурачивает недовольных. Заискивая в коммунисты и увлекаясь их пропагандой, эти одуреченные хотят лучше жить, и надеются этого достигнуть, не подозревая и не веря на слово, что нигде так не живет так тяжело и голодно, как именно в России.

В сущности этого даже нельзя и скрыть. Пропаганда идет вопреки очевидности. Это в Россию, в эту огромную черноземную страну, приходится посылать по несколько кило сахара или сала, шлата в тридорога, чтобы спастись от голодного истощения, а если пошлешь старое пальто или брюки или зубную щетку, все предметы такой очевидной необходимости, то советское правительство еще берет с каждой посылки пошлину, превышающую стоимость самой вещи.

Такова забота советской власти о насущных нуждах своего населения.

И тем не менее ходят здесь какие то господа с красными флагами и поют интернационал и устраивают внушительные манифестации, показывают кулаки и кричат: «всюду советь! да здравствуют советь!» И какие то, почетного вида профессора, серьезно присоединяются к этим манифестациям, возглавляя нелепое шествие. Жулики или юриды? А если ни то, ни другое, то чем объяснить такую чертовщину? Повидимому, какое то объяснение в конце концов найдется. Пока еще не все договорено, не все необходимые точки поставлены.

Но есть уже страны, где так называемому коммунизму уже отведено подобающее ему место и в описок общественных врагов он за-

несет, как враг № 1. Раньше или позднее это очевидно придется сделать всюду.

Сейчас указывают на Испанию, как на страну самую ненадежную в смысле коммунистической заразы. Возможно, что стране придется пережить несколько мгновений очень тревожных, как это было в Венгрии и в Баварии, возможно, что до захвата власти не дойдет, но есть все основания думать, что в старой Испании, как в испанских республиках Южной Америки, дело кончится военной диктатурой и полным запрещением субсидируемого Москвой коммунизма.

Коммунизм этот, — один для внешнего употребления, другой — уже совсем выродившийся и на него непохожий российский великодержавный большевизм, — неминуемо должен потерять всякое притягательное очарова-

ние, когда все ныне происходящее в России будет достаточно раскрыто, выяснено и понято.

И в народных массах, и в так называемых либеральных кругах Европы великий всероссийский обман должен, наконец, полностью раскрыться и вероятно скоро раскроется. Наше дело — внести посильный вклад, проявить посильное участие в этом прояснении, в ускорении его процесса.

Нынешняя советская Россия это не государственный опыт социализма, хотя бы и не удачный, а еще худшая тюрьма народов, в том числе и своего собственного, чем была Россия царская.

К этому нам еще придется вернуться.

В. Слеснин.

Заметки кабардинца

Дружественные сношения Кабарды с Москвою восходят ко временам российского царя Ивана Грозного.

Кабарде приходилось тогда бороться на два фронта: на севере с московской Русью, на юге в постоянных междоусобных спорах с другими народностями Кавказа. Такое положение было невыносимо для кабардинцев, истощало наши силы, материальные ресурсы

страны, не дávalо нам спокойно жить и развиваться.

Вот почему тогдашний правитель Кабарды князь Темрюк Идаров, отчаявшись сговориться со своими кавказскими соседями, вынужден был заключить союз с Россией и с этой целью отправил послов к царю Ивану Грозному. Обещая ему совместную борьбу с врагами, он в закрепление своих слов прислал ему, в качестве заложников, двух своих малолетних детей — сына и дочь.

Царь Иван IV, ознакомившись с предложением кабардинского князя, очень обрадовался этой мысли, и щедро одарив послотов, отпустил их обратно, а детей оставил при

*) Настоящая статья представляет, по мнению редакции, интересную иллюстрацию психологической эволюции тех немногих горцев, которые «не за страх, а за совесть» были преданы императорской России. Ред.

своём дворе, воспитывая их, до совершеннолетия, когда они приняли христианское крещение и были наречены — мальчик Борисом, а девочка Марией. Как известно, царь Иван Грозный впоследствии сочетался законным браком с этой нашей княжной — Марией Темрюковной.

Акт бракосочетания хранится в Московском историческом музее, — копию с него я имел в своём архиве, к глубокому моему огорчению сожжённому большевиками, вместе с другими моими архивными ценностями.

Вот с каких давних времен возникла наша связь с Россией. И с тех пор, до самого падения императорской власти мы были честно верны единению с Россией, выступая на защиту неприкосновенности и достоинства русского государства во всех войнах, которые только Россия вела.

Но когда многовековые государственные устои рухнули и страна стала быстро разваливаться и катиться в пропасть, мы, естественно, задали себе вопрос — как нам быть — следовать за Россией или нет? Явилась более ясная критическая оценка всего прошлого и национальная наша независимость была под-казана самым ходом событий.

Образовавшаяся на юге добровольческая армия не сумела в лице своих руководителей понять все значение происходящего и вместо своей прямой задачи — борьбы с большевиками — она непроизводительно затрачивала время, силы и средства на новое завоевание Кавказа. В результате, губя нас, добровольческая армия потерпела полное поражение в России. Непосредственные цели так называемого «белого» движения — сокрушение большевизма — были совершенно извращены его вождями. Как бывший участник этого дела, я отлично знаю и видел собственными глаза-

ми, что у нас творилось в тылу и на фронте: мирное население не могло быть с нами.

Да, мы имеем право сейчас открыто говорить обо всем потому, что мы честно, по заветам наших исконных традиций, выполняли в течение столетий верноподданнический долг в отношении России.

Более того. Мы добровольно участвовали в российских войнах, жертвуя жизнью. Когда кабардинец отправляется на войну, он прежде всего прощается со своей жизнью, а также и со всеми своими близкими, так как по нашим кабардинским взглядам вернуться с поля битвы живым — это мало вероятно. Не смотря на то, что на нас, горцев, не распространялся военный закон 1874 года о воинской повинности, мы шли на войну добровольцами отстаивать честь и достоинство русского государства.

И все же находятся среди русского офицерства люди, позволяющие себе с каким то презрением отзываться о нас, горцах. Мне недавно попала, совершенно случайно, книжка, составленная генералом фон Валь. Он в ней высказывает свое глубокое возмущение по поводу того, что на европейский театр военных действий допустили каких то кавказских горцев дикарей. Ген. фон Валь вероятно размахивает европейский театр военных действий, как великосветский салон, где господа офицеры академии генерального штаба, в своих блестящих мундирах с эксельбантами и лакированных ботфортах со шпорами, скользя по паркету, направо и налево расшаркиваются и прикладываются к дамским ручкам, а мы, горцы Кавказа, дикари, как он нас называет, считаем, что европейский театр военных действий есть весте, где решается судьба государства, существование того или другого народа. И мы, как верноподданные императорской России, посылали своих молодцов защищать честь и до-

стойство русского государства, — при этом — имейте в виду — что мы не являемся военно-обязанными.

И вот напелся, убежденный седной русский генерал, с высшим академическим цензом, который позволил себе отозваться с таким пренебрежением о нашей доблестной «туземной» дивизии, которая не раз показала всему миру чудеса храбрости. Генерал фон Валь во время войны ни чем не командовал, в боях не участвовал, находился в штабе за 50-100 верст от театра военных действий.

Совершенно другие отзывы нам, кабардинцам, приходилось выслушивать от других, более компетентных и высокопоставленных лиц. Когда в ставке верховного главнокомандующего в 1915 г. я подносил русскому императору свой труд — Историю Кабардинского Народа — государь, приняв меня, в своем салон-вагоне, сказал буквально следующее: «Я очень интересуюсь историческими сведениями, а ваш труд я прочту с особенным удовольствием от начала до конца, так как мне с самого детства, приходилось слышать от моего покойного родителя очень много лестного о вашем доблестном кабардинском народе. Ныне, отзывы моего батюшки подтверждает также мой брат Михаил, от которого я вчера имел письмо, где он пишет, что удостоился получить орден св. Георгия, благодаря необычайной храбрости конно-кабардинского полка». В дальнейшей беседе, продолжавшейся целый час, государь поручил мне передать его благодарность нашим старикам, которые сумели воспитать своих молодцов, в духе славных традиций прошлого.

Да, мы со своей стороны были верны государственному единению с Россией, но что нам дала русская власть?

Говоря общим образом, можно считать, что Кавказ находился под властью России 75 лет. Давайте оглянемся немножко назад

и дадим себе отчет, — что же сделала Россия хорошего за три четверти столетия для нашего края? Над этим вопросом я очень много думал и пришел к заключению, что ровным счетом ничего.

1) Народное просвещение было в молниеносном застое, 2) пути сообщения в первобытном состоянии, 3) торговли и промышленности почти не развивались, даже добыча нефти и та главным образом была в руках иностранцев.

Зато Россия может похвастаться тем, что насадила в нашем крае военно-народное полицейское управление, куда приглашались на службу господа офицеры, исключенные за порочное поведение из своих полков. Эти офицеры назначались на должности уездных и окружных начальников, и являясь низшими агентами власти, ближе всего соприкасались с народной массой, применяя сравнительно гуманные русские государственные законы: вкривь и вкось, по собственному усмотрению, подрывая этим самым доверие к государственной власти и к монарху. Так как они были люди сомнительных нравственных качеств, то обирали темный народ без зазрения совести, брали во всех видах, не брезгуя ни чем. Приходили к нам бедняками «на кривых каблучках» и уходили от нас помещиками.

Эти незаконные действия властей, не ускользали от населения. Оно видело все это прекрасно, — люди терпели со скрежетом зубным и все это намотали себе на ус.

Теперь, когда уже нет более былых исторических основ нашей связи с Россией, мы можем сказать: отныне Кавказ для кавказцев — довольно с нас 75-летнего опыта. Мы хотим жить свободной независимой жизнью от России и свободно дышать полной грудью своим чужим горным воздухом. Опекать наша, г.г. русские, нам не нужна, — вы слыш-

вом оказались плохими опекунами. Мы дошли до полной нищеты в этом благословенном крае, в котором, где ни копнешь лопатой, то нефть, руда, или целебные минеральные воды. Всем этим богатством Россия сама не умела и не умеет пользоваться и нас ничего не научила.

Довольно. Нам осталось ждать меньше,

чем мы ждали. Всем существом своим мы чувствуем, что близок час, когда наша дорогая родина освободится от большевизма, и все мы дружно примемся за работу по объединению народов Кавказа и формированию Кавказского федеративного государства.

Э. Кудашев.

Самоопределение Горцев Кавказа и в частности Осетин

(ОКОНЧАНИЕ*)

Тотчас же после переворота в мае 1917 года состоялся во Владикавказе I съезд горских народов. Съезд закончился избранием ЦИК союза объединенных горцев с функциями власти на всей территории горских народов. Осетинский народный съезд делегировал в состав этого ЦИК лучших представителей своей интеллигенции, в количестве шести человек.

Таким образом мы видим, что в общегорской работе с первого же дня после переворота осетины приняли самое активное участие и в количестве большем, чем от других горцев.

В 1918 году горцы объявили свою независимую республику и мы видим в составе всех существовавших правительств осетин. После же падения горского правительства, созданный в Дагестане Совет Оборона для борьбы с Добровольческой армией имел своим вице-председателем нашего друга и сотрудника Алихана Кантемира, который, как известно, тоже осетин.

В составе национальных делегаций, отправленных горским правительством на конференцию с центральными державами в Батум, так

и на мирную конференцию в Париже принимали участие и осетины. Везде и всюду это были не одни и те же лица, а совершенно другие в каждом отдельном случае. Недостатка представителей сепаратистского движения у осетин не было и нет. Утверждать и уверять русские круги, что у осетин нет сепаратистов, это неправда ни в прошлом, ни в настоящем. Наконец, в Варшаве издается сепаратистский журнал «Сев. Кавказ», редактор коего и значительная часть сотрудников его — то же осетины. Не приходится поэтому уверять г. П. П. Миллюкова, что я в единственном числе — одинок.

**

Не безинтересно проследить в хронологической последовательности эволюцию умонастроений в Осетии и среди других горцев. В первые дни революции никто еще не думал о независимости, но идея автономии, как это понималось раньше, была быстро оставлена и у нас уже обнаружилось течение, ставившее себе целью осуществление федерации с Россией. Была даже создана революционная партия под названием «Фадис» — что означает «набат».

*) См. «Кавказ» ном. 2/26, 3/27.

Партия была создана из бывших социалистов-революционеров. События однако развивались с такой быстротой, что партия не успела себя проявить, как программа ее о федерации уже устарела, и была создана новая, более радикальная, партия молодежи, под названием «Коста». В основу ее программы были положены идеи нашего бессмертного Коста и хотя формально в ней о сепаратизме и не говорилось, но по существу партия стремилась к этой цели. Партия проявила некоторую активность. Во всех аулах она была встречена с большой симпатией.

Но темы революции были так быстры, что и эта партия, не успев пустить корни в народ, распалась.

Эволюционировали и социал-демократы, всегда ориентировавшиеся на российскую революционную демократию. Видя настроенные народных масс, и вынужденный считаться с этики настроениями, социалистический конгресс Осетии принял резолюцию с требованием экономической и школьной независимости. Резолюция этого конгресса, состоявшегося 3 ноября 1917 г. гласит:

1. В целях уничтожения результатов завоевательной политики России конгресс осетинского социалистического союза требует признания земель, лесов, отобранных в российскую казну и российской властью — собственностью осетинского народа.

2. Конфискация земель всех категорий, кроме земель мелкого владения и передача их в распоряжение местного законодательного органа.

3. Леса, недра и воды должны составить национальную собственность.

4. Полная национализация школы.

Заседавший одновременно с конгрессом осетинский народный съезд приветствовал ре-

золюцию конгресса и в свою очередь принял ее целиком.

Немного ранее этих двух съездов в Дагестане состоялся съезд, который принял раньше осетин такую же по смыслу и значению резолюцию, которая гласит:

1. Все земли Дагестана, бывшие в распоряжении России вернуть дагестанскому народу.

2. Воды Каспийского моря, заключенные в границах Дагестана, передать в распоряжение дагестанского народа, как неотъемлемую собственность.

Достаточно немного вдуматься в смысл приведенных резолюций, чтобы понять общность интересов осетин со всеми другими горцами, умонастроение которых всегда развивалось параллельно и в полном контакте.

Так было до революции, согласно фактическим данным, приведенным выше со всей объективностью, так это продолжалось и в первый год революции.

Центробежные силы в годы революции развивались с молниеносной быстротой, но с закономерной последовательностью. По мере ослабления русской власти с постепенным, но быстрым уходом России с Кавказа в 1917-1918 г.г. от требования автономии, федерации с одновременной декларацией о праве на самоопределение — оставался очень небольшой шаг до независимости, которую горцы объявили уже 11 мая 1918 года, а за ними и все другие кавказские народы.

Что тут ненормального и неестественного, против чего спорят наши парижские великодержавники?

Приходится признать, что как это не обидно, но они или не знают всего происшедшего, что весьма возможно, так как мы никого из них там не видели, или же это люди, о которых принято говорить «ни чему не научились и ничего не забыли». Повторю, что мы

оставили бы их выступления без внимания, если бы не считались с теми русскими кругами, которых они вводят в заблуждение и с которыми мы серьезно считаемся, как с нашими единственными противниками.

**

Не лишенной интереса представляется эпоха Добровольческой армии на Северном Кавказе.

Сопротивление, оказанное Доброармии ингушами, чеченцами и Дагестаном общеизвестно. Деникину так и не удалось, несмотря на сосредоточенные им огромные силы, сломить сопротивление Дагестана. Борьба, как известно, закончилась передачей уходящим добровольцами власти возникшему во Владикавказе Горскому Правительству, главой которого заочно был избран полномочный представитель возглавлявшего войну против Доброармии Совета Обороны Гайдар Баммат.

Но мало кто знает о том жестоком сопротивлении, которое было оказано продвижению Доброармии в Осетии. Генерал Шкуро, проживающий во Франции, командовавший войсками против осетин, мог бы рассказать много в подтверждение моих слов. Не менее Шкуро мог бы засвидетельствовать о борьбе осетин с Доброармией и генерал Хабаев, бывший правителем в Осетии.

Добровольческое командование объявило нас большевиками и наступление на Западную Осетию (Дигорию) оно объясняло, как желание ликвидировать наших керменистов (большевиков). Однако официальные данные 1921 года свидетельствуют, что к этому моменту во всей Осетии в партии «Кермен» состояло 155 человек. Ясно, что не 155 керменистов оказали сопротивление генералу Шкуро. Здесь имело место простое совпадение общей ненависти к противнику у народа и у партии «Кер-

мен», ибо в борьбе принял участие весь народ. Очевидцы помнят, что эта борьба с Доброармией по существу в Осетии не прекращалась до самой последней минуты эвакуации добровольцев. Западная Осетия (Дигория) подверглась ряду жесточайших разгромов.

Думают ли господа великодержавники, что эта борьба была за дело большевиков? Мы все прекрасно знаем, каково было отношение народа к партии «Кермен». Партию в народе считали, состоящей из отбросов общества. Никакого престижа она в народе никогда ни на одно мгновение не имела.

Центр тяжести заключался в другом. Ее определила старуха Бибаева, бегавшая по всем улицам своего села и кричавшая: «кто мужчина — выходи на фронт, снова идут к нам казаки» — и народ вышел весь, не исключая и офицеров, проживавших в тот момент у себя в ауле. Старуха Бибаева, когда ворвались пластуны, была поднята на штыки.

**

В своем изложении я стараюсь держать хронологическую последовательность, чтобы у слушателей и читателей было ясное представление об эволюции обсуждаемого нами вопроса.

Передо мной лежит документ, я бы сказал, исторический. Этот документ проливает ясный свет на настроения осетинского народа в 1920 году. В этом году осетинские политические деятели обратились с воззванием ко всем горским народам. Я был свидетелем впечатления, произведенного воззванием в Кабарде, Ингушетии, Осетии и Балкарии. Оно переписывалось и передавалось из рук в руки. Воззвание довольно длинное, потому привожу из него лишь один пассаж. Воззвание, призывая горские народы на борьбу, возлагало совершенно не оправдавшиеся надежды на Грузию, которая тогда была еще независимой. Вот этот пассаж:

...«Гражданская война в России будет продолжаться еще много лет. Мы, горцы, видели и русских кадетов и коммунистов. И те и другие нас разоряли и беспощадно грабили. Это горцы на своей спине испытали и видят каждый день. Только лишь полное отделение от России, какая бы она ни была: кадетская или коммунистическая, может спасти горские народы и объединит нас в одну братскую семью. Только лишь полная независимость горских народов даст нам возможность продавать свой хлеб, скот, шерсть, медь, нефть, керосин, лес и др., тому, кому горцы захотят и за сколько пожелают. Только лишь тогда, когда горцы будут объединены в независимую горскую республику от нас не будут забирать плоды наших трудов, так насильственно, как теперь. Только лишь создание полной независимой республики даст нам право со всеми государствами разговаривать, заключать с ними торговые договоры и иные какие угодно соглашения и тогда горцы в обмен на свои продукты будут иметь сколько угодно и мануфактуры и сахара и железа и сельско - хозяйственных машин и мн. др. А самое главное, мы сможем тогда создать прочный мир на всем Кавказе, установив полный контакт и дружбу на конфедеративных началах с другими кавказскими республиками, что обеспечит процветание всего Кавказского края»..

Некоторые из моих оппонентов усумнились в подлинности приведенного документа и просили назвать подписи. К таким демагогическим способам в дискуссиях с нашими противниками мы не прибегаем. Эти господа отлично знают, что даже сидя в Париже не великий из них подписывается под своей статьей или даже простым письмом, которые они ищут родным, а он требует от людей, живущих под советским режимом и служащих у этого режима, чтобы они подписывали подобное воз-

звание. Жаль, но такое требование и не прилично и нелепо.

Как видите, в воззвании нет никаких двусмысленностей. Ни кто другой, а все те же осетины, обратились с ним ко всем своим соседям. После всего того, что я рассказал об осетинах с документами в руках, можно уже поставить вопрос о том, куда же в самом деле идут осетины? Туда ли, куда их зовут наши парижские денационализировавшиеся элементы, или они остаются верными семье кавказских народов. Ответить на этот вопрос представляю нашим читателям. Так было до 1921 года.

Попробуем теперь разобраться в том, что делается у нас теперь. Может быть национальные устремления наших народов теперь повернулись в сторону России?

**
*

Наблюдение за происходящими психологическими сдвигами за последние 15 лет на нашей родине дело трудное. Некоторая связь, имеющаяся у нас с родиной, а также литература, проникающая более или менее свободно при объективном и внимательном изучении этого материала позволяют с большей или меньшей уверенностью судить о настроениях наших народов вообще и в частности об осетинах.

Эти сведения, прежде всего, свидетельствуют о том, что в течении всех последних лет между Москвой и Кавказом нет никакого экономического обмена. Все поезда, как уверяют беглецы с Кавказа, из России идут порожняком, а возвращаются груженными. Москва ничего не давая, только вывозит. Московская мануфактура и российский сахар, стали чрезвычайной редкостью. Все предметы первой необходимости делаются у нас дома, и если бы не отбирали у народа того, что он про-

изводит, то наши народы жили бы в полном достатке.

Единственной остающейся связью между нами и Москвой является коммунистическая партия. Вне этого никаких взаимоотношений между нашей страной и Москвой нет.

Слабеет с каждым днем и культурная связь. Мои оппоненты придают особое значение этим культурным связям. Я признаю всю силу этих культурных связей. Однако, к огорчению моих оппонентов, должен сказать, что вопрос этот имел значение в прошлом, тогда, когда мы учились.

По данным осетинской газеты «Растивнад», в учебных заведениях Москвы и Петербурга обучается около 250 человек. В Харькове и Биеве около 100 человек. Между тем число учащихся в Осетии в средней и высшей школе достигает около 4.000 человек. Где же они? Оказывается сев. осетинская автономная область приобрела в Баку и Тифлисе для общежития студентов дома, которые официально именуются: Бакинский Осетинский Национальный Дом. В нем проживают 1.000 молодых осетин, учащихся в бакинских учебных заведениях. Такой же дом имеется в Тифлисе, где число учащихся осетин достигает до 3.000 человек. Совершенно аналогичное явление наблюдаем мы и среди других горцев. Все идет в Баку и Тифлис.

При таких условиях о каких еще культурных связях между нами и Россией можно говорить. Ни Тифлис, ни Баку не являются центрами, где культивируется русская речь и русские идеалы. Мы счастливы это констатировать.

Почему наша молодежь устремляется в Баку и Тифлис? По климатическим условиям или по духовному родству. Может быть и то и другое, но несомненно главной тягой является духовное родство кавказских народов.

Научно - исследовательский институт даже рекомендовал молодежи направляться в Тифлис, где, по грузинским источникам, можно составить правдивую историю об осетянах и уже у нас есть ученые историки, вышедшие из стен Тифлисского университета.

Не понимать того огромного воспитательного значения в духе кавказского патриотизма какое представляет собой массовое обучение молодого поколения в Тифлисе и Баку, могут только те, кому по евангельской притче глаза даны для того, чтобы не видеть и уши для того, чтобы не слышать.

**

Мы все сходимся на ненависти к советскому режиму, но нельзя не согласиться с тем, что революция в ее большевизмом воплощении дала нашим народам очень многое, поэтому не все то, что достигнуто и создано при большевиках пойдет на слом после их падения.

Одним из величайших достижений для нас горцев нужно признать безвозвратную и окончательную ликвидацию терского казачества, нового переселения которого горцы, конечно, не допустят ни при каких условиях. Особенно заслуживает быть отмеченным то, что это сделано не руками горцев, а Москвой.

Вторым достижением мы признаем невольное пробуждение среди горцев самостоятельности, результатом чего явилось создание во всех автономных горских областях научно-исследовательских институтов краеведения и реформа письменности.

В 1923 году во Владикавказе состоялся общегорский съезд деятелей по народному образованию. Съезд постановил: для облегчения усвоения языков друг-друга выработать единое образное применение латинского алфавита для всех горских племен. Как и в давние времена,

Москва усмотрела в этом опасность объединения горцев и произвела давление по партийной линии, пригрозив, что если алфавит будет принят без участия Москвы, последняя откажет в школьных и издательских кредитах. В результате в Москве создали специальную комиссию для выработки алфавитов под председательством проф. Яковлева. Комиссия выработала для всех горцев разное применение латинской графики. Однако стремление горцев к объединению ширится и деятельность в этом направлении углубляется.

В 1926 году во Владикавказе состоялся обще-горский съезд работников научно-исследовательских институтов краеведения. Съезд констатировал, что судьбы горских народов издавна настолько неразрывно связаны, что изучение истории одного народа невозможно без изучения истории других соседних народов, на этом основании съезд постановил объединить краеведческую работу во всех горских областях.

В том же 1926 г. в Осетии произошли события, заслуживающие быть отмеченными.

Осетинская советская общественность повела бешеную кампанию за отторжение Сев. Осетии авт. области от РСФСР и присоединение ее к Закавказской Советской Федерации через Грузию. Факт, что и говорить, знаменательный, ибо нам говорят, что Россия нас научила читать, писать и богатеть, что этого достаточно, чтобы забыть о своих национальных чувствах и уйти с Кавказа. На самом же деле в области народного просвещения того, чего мы достигли при большевиках, мы бы при старом режиме достигли еще очень не скоро. Чего же тогда рваться и не молиться на советскую Москву? Оказывается, что народу мало того, чем козыряют наши парижские оппоненты. Народ пожелал все таки уйти от РСФСР в Грузию и в Закавказье.

Вопрос этот был принят, как водится у большевиков, единогласно на съездах компартии, народных учителей, профессиональных союзов, и затем соответствующее постановление осетинского ЦИК-а было переслано в Тифлис. Здесь, по описанию газеты «Растзинад», решение Сев. Осетии вызвало чувство неописуемого восторга. Все увидели в этом шаг к объединению всего Кавказа в советской федерации. Москва то же на это дело посмотрела так же, и все главари осетинских коммунистов были высланы с Кавказа. До настоящего времени ни одного из известных нам имен нет еще на Кавказе.

Таковы факты. К оценке их, как бы они ни были печальны для сердца наших противников, нужно подойти мужественно и со здравым смыслом.

Не мы одни приходим к убеждению, что горские народы уже стали на путь своего государственного объединения. Профессор Зураб Авалишвили, один из наиболее квалифицированных людей, чтобы судить о том, что делается на Кавказе, вообще и среди горцев, в частности, неутомимо следящий за литературой кавказских народов, поделился своими впечатлениями недавно с нами на страницах «Кавказа», он пишет: «Ислам перестает быть основой жизни племен... Умерли неизбежно и все традиции, чувства, иллюзии, питавшиеся мыслью о султани-халифе... Под этим новым влиянием, под этим живым впечатлением усиливается и ускоряется новейший процесс сложения совокупности горских племен Кавказа в одну современную нацию...» и далее: «Совершенно оригинально складывается национальная жизнь горских народов. Здесь углубленное самосознание отдельных племен, иногда чрезмерное, направляется в конечном итоге в общее русло Союзной Горской Народности...»

**

«Познай самого себя» — так было начертано на дверях древне-греческого храма. Заканчивая свой доклад я обращаюсь к моим землякам с призывом: познайте свою историю, прошлое вашего народа, следите за тем, что делается на родине теперь. Настоящее прочно связано с прошлым, как его продолжение, и тогда мы не будем находиться в смешном положении.

Как бы однако не сложилась судьба наших народов, но судьба для всех их будет одна

и та же. Оторвать какой либо из этих народов от общей семьи Кавказа никому не удастся. Самая же попытка этого рода, есть ни что иное, как следование той самой политике, за которую все русские правительства, начиная от Ивана Грозного и до настоящего дня, всегда широко, не жалея, платили. И всякий среди нас, как бы искренно он ни вел политику за Россию, рано или поздно рискует автоматически попасть в платные руссофилы.

Тамбий Еленхоти.

Обзор печати

ЕЩЕ О ПОСЛЕДСТВИЯХ

ФРАНКО-СОВЕТСКОГО ПАКТА

В одной из самых распространенных парижских газет «Матэн», была помещена, 22-го апреля, весьма интересная статья известного знатока Дальнего Востока д-ра А. Лежандра, под заглавием: «Берлин и Токио заключат ли военный союз». Мы приводим ее почти целиком и без комментариев — она в них не нуждается:

«Не пришлось долго ждать, чтобы удостовериться в справедливости наших утверждений, что заключив договор с Советами, мы совершили невыгодную сделку. Зловредные последствия этого союза уже сказываются и в очень тяжелых формах... прежде всего наш пакт с Москвой дал отличный предлог Гитлеру для ремилитаризации Рейнской области. Легко, конечно, разсматривать этот акт, как не-

приемлемое нарушение международных соглашений, но нельзя закрывать глаза на то, что за границей и даже в Англии, он был воспринят, как вполне естественный и даже необходимый. Так сэр Ян Гамильтон, (бывший главнокомандующий британским экспедиционным корпусом в Дарданеллах) считает, что наш пакт с Москвой, подкрепленный соглашением с Чехословакией, является весьма реальной угрозой для Германии, которая была обязана принять немедленно ответные меры. Лорд Ньютон, со своей стороны, заявил в палате лордов — и никто ему не возражал, что франко-русский военный союз дал Гитлеру веское основание протестовать против нарушения духа Локкарнских соглашений...

Неудивительно, поэтому, что английское правительство поставило нас в известность, что оно не сможет взять на себя

в отношении Франции новых обязательств, в виду серьезного риска, связанного с нашим соглашением с Советами. Польша думает, как Англия.

Но есть нечто еще более серьезное: наш союз с Москвой может привести Германии в ближайшие дни громадную и очень опасную военную помощь, если во Франции не произойдет немедленная ре-анция (подчеркнуто автором. Ред.).

С прошлого года, со времени подписания Лавалем (2 мая 1935 г.) франко-советского пакта, было реализовано политическое сближение между Берлином и Токио. Имели место даже встречи между офицерами обеих стран. Никаких окончательных решений однако не было принято. Понадобилась ратификация пакта французским парламентом, чтобы оформить реальное соглашение между Токио и Берлином и вызвать настоящие переговоры между генеральными штабами армий.

У Франции остается один единственный шанс — и французы должны проникнуться этой мыслью, помешать японо-германскому союзу. Шанс этот дать стране своим голосованием на выборах — умеренное и твердое правительство, внушающее доверие за границей. — Но если выборы будут плохими и в их результате у нас будет большевизанствующее министерство, подвластное Москве, — Япония — я это знаю — не сатнет колебаться. Она подпишет военный союз с Германией, как противовес той угрозе, которой явится для нее усиление мощи Советов, благодаря несомненной отныне поддержке французской армии.

Япония подпишет, таким образом, союз с Германией если выявится, что

Франция пала до такой степени, что неспособна уже освободиться от столь унижительного для нее влияния Москвы.

Можно ли быть за это в претензии на Японию? Она ведь только защищает-ся. Ее к этому ее вынуждают.

Но какое усиление Германии в результате — особенно по сравнению с Францией, находящейся под сапогом «народного фронта», т. е. Москвы!.. Франко-советский пакт ведет нас к самым ужасным последствиям. Необходимо его изменить, если не уничтожить, как можно скорее и успокоить Японию, чья дружба и мощь драгоценны не только для Франции, но и для мира всего человечества, для мира людей свободных, а не рабов, под пятой Москвы.

Нужно знать: в то время как в Европе мы культивировали пацифистские иллюзии, Япония спасала Азию, ее древние цивилизации и ее народы от страшного советского ига, оказывая таким образом безмерную услугу человечеству. Это факт — это реальность, которую было бы бессмысленно отрицать.

«ВЗГЛЯНИТЕ НА ГРУЗИЮ»

Не часто приходится встречать во французской периодической печати имя поработенной Грузии, в свое время признанной всеми, как независимое государство. Нельзя поэтому не отметить, что в номере от 23 апреля распространенной парижской газеты «Жур», ее главный редактор, известный публицист Леон Бальби посвящает всю свою очередную руководящую статью в связи с текущими событиями именно Грузии. Статья так и называется: «Взгляните на Испанию и Грузию».

Леон Бальби вкратце излагает все главные моменты взаимоотношений России и Гру-

зии, после войны и революции, сопоставляя, конечно, официальное признание Москвою грузинской независимости с дальнейшим обманым нападением и завоеванием. Где же была Лига Наций с ее санкциями? Напрасно несчастная страна зывала к справедливости, к защите своих только что признанных прав. Дальнейшие возстания также ничего не изменили в положении дела.

«Грузия, — говорит Леон Бальби, — стонет под гнетом рабства». Он указывает на недавнюю расправу с кутанскими рабочими, заявлявшими о невыносимых материальных условиях и отмечает далее, что нынешнее официальное празднование присоединения Грузии, которое длилось в Москве целых 15 дней, могло ограничиться в Тифлисе лишь тремя часами, — «это все, что население было в состоянии вынести, как сделанный ему вызов».

Леон Бальби заканчивает, переходя к французским выборам:

«Французы — буржуазия, рабочие, крестьяне — вы, которых Советы охвывают своими медовыми речами и якобы готовностью встать под наше трехцветное ямя, подумайте об Испании, подумайте о Грузии, скажите себе твердо, что это от вашей маленькой четвертушки бумаги, которую вы в воскресенье опустите в урну, зависит ваша свобода и самый смысл вашего существования».

Трагическую судьбу Грузии выбирает, таким образом, парижский журналист, чтобы указать, чего надо бояться.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА МЕНЬШЕВИЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ГРУЗИИ

В Мюнхене издается под руководством профессора Вюрцбургского университета Макса Бухнера, интересный ежемесячный журнал «Желтые тетради», посвященный различным

политическим вопросам современности. В апрельской книжке этого журнала напечатана статья фон Бенареса «О взаимоотношениях Лиги Наций и Советской России» с подзаголовком «Грузия, как пример ценности международных обязательств».

Статья эта в связи с ратификацией французскими законодательными учреждениями франко-советского договора, подымает замалчиваемый и намеренно забываемый всеми вопрос о международно признанной де-юре независимости Грузии, о которой вспомнил в своей речи, как о примере характерного для Москвы обмана, лишь один депутат Дорис, бывший правоверный коммунист, — теперь, как известно, горячий и убежденный враг московской власти.

Грузия, всеми де-юре признанная как независимое государство, испытала на своей судьбе практическую ценность этих абстрактных признаний и не менее отвлеченных протестов, какими в свое время сопровождалось ее завоевание советскими войсками. Но тот самый Эдуард Эррио, который в качестве либерала и свободолюбца, горячо и открыто протестовал в дни оккупации 1921 года, уже в 1924-м году, в качестве французского премьера, признавая советскую власть в России, сделал только «платоническую» оговорку, что это, не должно нарушать политических вправ Грузии, а когда Москву приняли в Лигу Наций, то лишь один швейцарский делегат Мотта упомянул о преступном нарушении суверенитета Грузии, — других защитников не оказалось. Такова ценность торжественных международных признаний.

Но самое для нас интересное и значительное в упомянутой статье (ибо все мы хорошо знаем, что прочно опираться можно только на собственные силы) — это очень рельефное и яркое, в кратких словах, изображение

той преступной игры, которая велась в последний год независимости Грузии — московской властью, руководимой Лениным, с одной стороны, и всячески стремившимся с ним поладить грузинскими меньшевиками, прежде всего Ноем Жордания — с другой.

Когда весной 1920 года, говорит автор статьи, (недостаток места заставляет нас лишь резюмировать его главные положения), грузинские войска отбили первый по времени натиск красных войск и победоносно двинулись вперед, угрожая освободить уже советизированный Азербейджан, правительство Грузии поторопилось вернуть войска к своим границам, вступив в переговоры с Москвою. Это вызвало тогда отставку командовавшего армией ген. Квинтадзе. Удивительное дело, неслыханное в истории: победители сами поскорее возвращают назад свои войска и просят мирных переговоров. Несомненно в Москве много смеялись такому умному шагу и радостно согласились на переговоры. В этих именно выражениях привел эти факты еще Раймон Дюге в своем очерке, изданном, в Париже в 1926 г.

Хитрый и вероломный Ленин, которому не удалось сгоряча захватить Грузию и наоборот грозил потерять весь Кавказ, конечно с большой охотой заключил с грузинским правительством известный договор 7 мая 1920 г., которым признал независимость и суверенитет Грузии. Но, разумеется, для Москвы это была только обычная «ленинская передышка», чтобы подготовиться к новому, уже более серьезному нападению. Отказываясь от прав на грузинскую территорию, заключив с Грузией, в дополнение к политическому признанию, еще торговый и транзитный договор в ноябре 1920 года, Москва использовала этот период, якобы равноправных дипломатических взаимоотношений для организации полного захвата.

Грузинское правительство Ноя Жордания прекрасно знало, что в Грозном уже готов весь персональный аппарат будущей советской власти в Грузии; московский военный агент грузинского правительства, Наувалишвили, доносил о военных приготовлениях, и тем не менее Жордания и его министры всячески уклонялись от решительных действий, налаживая отношения с Москвой, как социалысты с социалистами.

Даже в момент наступления советских войск, Ной Жордания официально заявил, что Грузия подверглась нападению «каких-то банд». А между тем наступали 9-я, 18-я, 20-я и 32-я пехотные советские дивизии, 12-я кавалерийская, казачьи части и красные курсанты. Все это было известно, равно как и направления, по которым они шли.

Автор статьи задает вопросы: почему народная гвардия Грузии — это любимое детище меньшевиков — покинула фронт? Почему был сдан Тифлис, когда грузинская армия еще целиком держала в своих руках инициативу боев? Почему первый приказ о сдаче, правительство готово было отдать еще в ночь с 16 на 17 февраля 1921 г.?

Не находится ли все это в связи с известной прокламацией Ленина, где он говорил, что вполне возможен компромисс с товарищем Жордания и другими меньшевиками, которые «на известных условиях соглашались еще до войны на советизацию Грузии». Каковы же эти условия? — спрашивает автор статьи, — и не шло ли дело еще до войны о возможности того или другого соглашения грузинских социалыстов с Лениным?

Вот чем занимались они, будучи в роли национального правительства, за кулисами своей открытой позиции и каким другим именем можно назвать такого рода деятельность, как не государственной изменой?